

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ЎУРҚАТ

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЎТИ
ТОШКЕНТ—1958

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ФУРКАТ

1959	ГБ УзССР 10545
------	-------------------

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ—1959

Составитель
кандидат филологических наук
Х. Расулев

ЗАКИРДЖАН ФУРКАТ

Наряду с широко известными узбекскими поэтами-демократами Мукими, Завки, Камилем Хорезми, Авазом Отар-оглы, жившими и творившими во второй половине XIX в., видное место в истории узбекской литературы занимает поэт Фуркат.

Разнообразное, содержательное поэтическое наследие Фурката — серьезный вклад в развитие узбекской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Последовательный, неутомимый поборник просвещения, Фуркат посвятил всего себя борьбе за благо народа, за создание демократической узбекской литературы, неразрывно связанной с интересами народа.

Фуркат жил и творил во второй половине XIX в. Это было время, когда нынешний Узбекистан являлся частью царской колонии Туркестана. Трудящиеся Туркестана подвергались жестокой эксплуатации как со стороны разнузданных колониальных чиновников и пришлых хищников — предпринимателей, торговцев, авантюристов всех мастей и видов, так и со стороны местных феодалов — крупных землевладельцев, ростовщиков, представителей духовенства, которые после завоевания края быстро приспособились к новым условиям и стали верными слугами жандармско-бюрократического режима российской монархии. Царское правительство сознательно и преднамеренно поддерживало в Туркестане реакционно настроенных феодалов, перетянув их к себе на службу, покровительствовало духовенству и разжигало религиозный фанатизм. Попытки

сбросить иго колонизаторов и феодалов, малейшее проявление вольнодумия подавлялись с беспощадной силой.

Однако нельзя забывать, что с присоединением к России Туркестана народы этого обширного края приобрели могучего друга и союзника в лице революционно настроенного великого русского народа.

Царское правительство ссылало в Туркестан так называемые «неблагонадежные элементы». В числе сосланных было немало революционных народников. Первые ссыльные социал-демократы появились здесь в начале 90-х годов. Влияние русской революционной мысли не могло не сказаться и на передовых людях узбекского народа. Передовые идеи распространялись в Туркестане, наперекор всем рогаткам, среди трудящихся и в первую очередь в среде начавшего формироваться узбекского рабочего класса.

Трудящиеся Туркестана приобщались к русской культуре, проникались идеями русской революционной демократии, знакомились с теорией марксизма-ленинизма.

В последней четверти XIX в. появились переводы на узбекский язык отдельных произведений великих русских писателей — А. С. Пушкина, И. А. Крылова, Л. Н. Толстого. Эти переводы комментировались и популяризовались местной узбекской печатью.

Все это способствовало ломке закостенелых, застывших форм средневековой феодальной идеологии и открывало путь для приобщения узбекского народа к достижениям передовой русской культуры.

Новые веяния проникали в толщу народа не только при решительном сопротивлении реакционно настроенных местных эксплуататорских классов, но и вопреки желанию русской колониальной администрации, заинтересованной в том, чтобы народ оставался темным и невежественным.

Передовые умы узбекского народа видели резкую разницу между жестокими завоевателями, колониальными хищниками, представлявшими правящие круги Российской империи, и подлинными представителями русского народа, несшего народам Востока лучшие достижения своей культуры. Ненавидя жандармско-полицейский режим, установившийся в Туркестане, узбек-

ский народ с симпатией относился к честным труженикам — русским учителям, врачам, инженерам и другим представителям русской интеллигенции. К концу XIX в. рушится стена взаимного непонимания и недоверия. Все чаще отдельные прогрессивные узбекские писатели говорят о том, что нужно учиться у русских, заимствовать их культурные достижения, кончать с мракобесием, отсталостью. Такие высказывания встречаются в произведениях ведущих представителей демократической литературы того времени — поэтов Мукими, Фурката, Аваза Отар-оглы, Бердаха.

Под влиянием передовой русской литературы все больше развивается в узбекской литературе прогрессивно-демократическое течение, берущее свои истоки в многовековой культуре и классической литературе узбекского народа. Талантливыми представителями этого течения в конце XIX — начале XX в. были поэты Мукими, Фуркат, Завки. Наряду с устным народным творчеством, прогрессивная литература крепла и совершенствовалась в борьбе с реакционно-клерикальной литературой, защищавшей интересы эксплуататорских классов. Представители нового, прогрессивного течения в узбекской литературе в своих произведениях отражали думы и чаяния трудового народа — его недовольство существующим общественно-политическим строем, его протест против насилия и бесправия, его стремление к свободе.

В. И. Ленин, говоря о национальных культурах, созданных в антагонистическом обществе, пишет: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую».¹

Эти демократические течения наиболее ярко выражены в творчестве поэтов Мукими и Фурката. В их произведениях полным голосом звучат любовь к своему народу, к своей родине, бичевание феодальной отсталости, призыв к овладению знаниями, к культуре, просвещению.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 8.

Поэт Фуркат одним из первых понял, что счастье его народа и прогрессивное развитие его родины связаны с Россией. Фуркат понимал, что его родина, его народ должны следовать по пути русского народа, и стремился внушить эту мысль своим соотечественникам.

Закирджан Халмухамед, писавший под поэтическим псевдонимом Фуркат (Разлука), родился в 1858 г. в городе Коканде, в семье мелкого торговца-кустаря. Учился сперва в мактабе — старой школе, где все учение было основано на схоластике — бесконечном толковании корана, затем в медресе. Стихи начал писать со школьных лет. Молодой Закирджан с увлечением читал произведения великого узбекского поэта Алишера Навои. Знание языков позволило поэту уже в юности познакомиться с азербайджанской, таджикской и фарсидской литературой. Он читал произведения Фаридидина Аттара, Хафиза, Бедиля.

Тяжелое материальное положение семьи вынудило Закирджана в семнадцать лет оставить учение в медресе и пойти работать приказчиком. Условия работы заставили его переехать из Коканда в Фергану, тогда называвшуюся Новым Маргеланом.

В 1882 г. Фуркат возвращается в родной город. Здесь он входит в круг образованных людей Коканда. К этому же времени относится его знакомство и сближение с прогрессивно настроенными поэтами Мукими и Завки.

«...Выдающимися поэтами того времени были Мукими, Завки, — рассказывает Фуркат в своих воспоминаниях. — Мы постоянно собирались и соперничали в сочинении стихов. Выбрав за образец какую-нибудь газаль, мы выражали одну и ту же мысль самыми разнообразными способами. Иногда мы сочиняли газали о любви и красоте или, найдя в диванах древних поэтов какую-нибудь веселую газаль, писали, каждый по очереди, на нее ответы — мухаммасы. Другие поэты тоже охотно посещали наши собрания. Если кому-нибудь из нас случалось написать хорошую газаль, то люди, обладающие литературным вкусом, просили дать им копию».¹

¹ Туркестон вилоятининг газети, 20 апреля 1891 г.

Частые встречи с поэтами-демократами, с которыми молодого поэта роднила общность интересов — любовь к своему народу, мечты о свободной жизни узбекского народа, глубокий интерес к его истории, литературе, культуре, — оказали большое влияние на творчество Фурката. В его стихотворениях все громче стали звучать демократические идеи.

Фуркат хорошо знал жизнь узбекских трудящихся масс. Он не раз был свидетелем насилия, творимого над бесправным народом царскими чиновниками, местными баями и духовенством.

Ненависть к деспотизму и тирании, мечты о быстром экономическом и культурном развитии родной страны, горячее желание помочь своему народу сбросить ярмо угнетения, встать на путь культуры и прогресса — вот что волновало Фурката, что выливалось в пламенные строки — то лирические, то полные яда сатиры. В стихотворениях кокандского периода звучат не только жалобы и сетования на свою эпоху. Поэт выражает в них недовольство существующими порядками, поднимается до открытого гневного протеста против бескультурья и бесправия.

«Я оговорчен коварством неба: невежда в роскоши живет,
А мудреца подстерегают невзгоды длинною чредой»,

— пишет поэт (газель «Те черные глаза»).

Особенно ярко выражены демократические тенденции Фурката в стихотворении-аллегории «Охотник, отпусти газель».

Поэт просит жестокосердного охотника пожалеть попавшую в сети газель, отпустить ее. Он желает исстрадавшейся в цепях узнице свободной, радостной жизни.

«...Обрежь аркан, и пусть она, как ветер, веющий с высот,
Умчится в горные луга, где верный друг подругу ждет.
Разлука сердце ей томит, тоскует дух, но где исход?
Ей пути скорби разорви, невыносим их вечный гнет.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, как мне.
Немая скорбь ей сердце жжет и счастья не дано, как мне».

Образ газели, тоскующей в путах скорби, был близок и понятен читателям Фурката — не так ли тосковал и рвался народ, скованный путами бесправия и угнетения?

К кокандскому периоду относится и резко сатирическое стихотворение «Тьфу!» В нем поэт уже открыто, не прибегая к аллегориям, разоблачает истинное лицо баев, ростовщиков, представителей духовенства, вся деятельность, все поступки которых были направлены на обман народа.

«Посмотрите на кокандских богачей самовлюбленных —
Езят, важно развалившись в пароконных фазтонах —
... Groш голодному, а сотни тратите на угошенье
Мулл, ишанов-блюдолизов, чести, совести лишенных, —

тьфу на них!

тьфу на них!

богачей.

тьфу на них!

Говоря словами великого русского критика-демократа Белинского, эта сатира Фурката является не просто «...насмешкой над недостатками, слабыми сторонами и пороками человека — это атака, энергия разгневанного чувства, гром и молния благородной ярости».

Наряду с произведениями, насыщенными социальными идеями, Фуркат написал много лирических стихотворений-газелей. В них нашли яркое изображение картины природы родного края, восторженная любовь поэта к жизни и людям, его нравственные и этические воззрения. Религии, благочестию, загробной жизни поэт противопоставляет земные человеческие радости — любовь, дружбу, наслаждение природой и искусством. В газелях Фурката слышен голос пламенного сердца, умеющего чувствовать жизнь во всей ее красоте. Оригинальность стиля, тонкость и глубина мысли, удачные сравнения и определения позволяют причислить газали Фурката к лучшим образцам узбекской лирической поэзии конца XIX в.

В мае 1889 г. Фуркат переехал в Ташкент. Здесь, в келье медресе Кугалдаш, поэт прожил два года. В Ташкенте перед Фуркатом открылась возможность теснее приобщиться к русской культуре. Он начинает изучать русский язык, ближе знакомится с русской историей и литературой, в частности, с произведениями ведущих ее представителей — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. В своих публицистических выступлениях Фуркат часто с большой любовью и уважением говорит о великих русских поэтах.

Ташкентский период был самым плодотворным в творчестве Фурката. Он начал печатать свои стихотворения в издававшейся в то время в Ташкенте газете «Туркистон вилоятининг газети». Большая часть произведений этого периода написана в духе просветительства. В стихотворениях «Гимназия», «О пользе науки», «Выставка», «О музыкальном собрании», «Суворов» и других поэт с большой страстностью воспеваает идеи народного просвещения, клеймит отсталость в общественной жизни и быту узбекского народа.

Под влиянием русской культуры и русских друзей крепнут демократические взгляды Фурката. Поэт ратует за широкое проникновение русской культуры в гущу узбекского народа, за сближение русской и узбекской культур. Эти идеи были новыми, невиданными ранее в узбекской литературе, они определили место Фурката как передового поэта, поэта-новатора в узбекской литературе конца XIX в.

Фуркат понимал, что узбекский народ, лишенный благ знания и просвещения, отстает в культурном отношении от русского народа. В 1890 г. поэт пишет свое знаменитое стихотворение «Гимназия», в котором призывает узбекскую молодежь изучать подлинные науки, приобретать знания. Он с увлечением рассказывает о гимназиях, как небо от земли отличавшихся от старых мактабов и медресе. Это дает Фуркату повод с горечью говорить о ханах и беках, которые утопали в роскоши и наслаждениях и не уделяли никакого внимания просвещению народа.

Мыслитель и гуманист Фуркат видел единственный путь к избавлению от невежества в обучении детей в школах, созданных по типу русских учебных заведений, в знакомстве с русской, а через нее — с мировой культурой.

В стихотворении «О науке» Фуркат еще глубже развивает свои идеи. Он взволнованно говорит о научно-техническом прогрессе в России, о сети железных дорог, распространении электричества и телеграфа и снова выражает восхищение русской культурой. Русский народ, по мнению Фурката, достоин глубокого уважения, потому что он дал человеческому обществу великие идеи, новые открытия в науке и технике, создал огромные мате-

риальные и духовные богатства. Воспевая силу и могущество техники, поэт делает попытку нарисовать положительные образы русских ученых — «мудрецов» и «искусников», становясь, таким образом, на новый для узбекской литературы того времени путь — путь реалистического отображения жизни в литературе.

«...Сейчас столетье таково,
Что входит в нашу жизнь, как в сказке, волшебство.
Россия принесла земле счастливый век,
Наукою теперь владеет человек...
Ученые умы воздвигли телеграф,
И славлю я его, удел певца избрав.
О юноши! Затмил преданья прошлых лет
Российской мудрости неоценимый свет.
Изобретениям науки нет числа,
Нам их великая Россия принесла».

Поэзия Фурката — поэзия действительности и правды жизни. Реалистическая линия ясно прослеживается и в стихотворении «Суворов». В этом произведении великий русский полководец предстает не только как храбрый и мудрый военачальник, самоотверженно любящий свою родину, свой народ, но и как человек с присущими ему чертами характера, привычками и даже слабостями.

Любое явление общественной, политической жизни, каждое новое изобретение, каждое проявление технического прогресса — будь то электричество, телеграф, печать, клуб, рояль, фотография — все интересует Фурката, все находит отклик в его творчестве.

Зная и любя искусство своего народа, поэт отдает большую дань русскому искусству. В стихотворениях «Рояль», «О музыкальном собрании» поэт с глубоким волнением рассказывает об эстетическом наслаждении, полученном им от русской музыки, восторгается ее мелодичностью, отдавая большую дань ее талантливым исполнителям — певцам и музыкантам.

Фуркат не довольствовался одной поэзией — он выступал в печати и с публицистическими статьями. Фуркат был первым публицистом среди узбекских поэтов. В своих публицистических выступлениях он снова и снова подчеркивал необходимость для узбекского народа глубокого изучения русского языка, русской науки, техники.

Чтобы избавиться от феодальной отсталости, писал Фуркат, чтобы двигать вперед экономику и культуру страны, необходимо быть вместе с великим русским народом, близко знать его жизнь.

«Если народ России предлагает нам изучать его язык и грамоту, то его желание не плохое. Пожалуй, он желает процветания стране, спокойной жизни народам. Таким образом, народ России хочет видеть нас, мусульман, зажиточными и радостными».¹

Фуркат рекомендовал узбекскому народу брать пример с русского народа. Он писал:

«...В Ташкенте я слышал и видел, как некоторые мусульмане ходили в клуб. Я думаю, что в этом нет греха. Наоборот, мы, мусульмане, должны знакомиться с жизнью русских, сравнивать ее светлые стороны со своей жизнью и подражать ей».²

Надо было обладать большой смелостью, чтобы в период засилья реакции выступить против догматов ортодоксальной мусульманской религии, бросить открытый вызов реакционному духовенству, которое объявляло смертным грехом всякое общение с немусульманами.

В своем творчестве, как поэтическом так и публицистическом, Фуркат, несмотря на некоторую ограниченность мировоззрения, обусловленную эпохой, в понимании общественной жизни стоял выше многих прогрессивных узбекских писателей своего времени, был одним из самых передовых мыслителей и деятелей узбекского народа.

Широко и умело используя богатство узбекского народного и литературного языка, Фуркат в то же время расширяет свой лексикон за счет введения русских слов — таких как машина, газета, театр, концерт, выставка и тому подобные. Вместе с тем он заботится о том, чтобы приблизить поэтический стиль к народному языку, сделать свои стихи близкими и понятными широким народным массам.

Стремление Фурката приобщить свой народ к русской культуре, естественно, было не по сердцу представителям реакционно настроенных кругов узбекской буржуазии, феодалов и духовенства. К тому же он бес-

¹ Туркистон вилоятининг газети, 14 апреля 1892 г.

² Туркистон вилоятининг газети, 1891 г., № 22.

пошадно высмеивал их в своих сатирических стихотворениях. С другой стороны, не менее беспощадно поэт обрушивал удар своей сатиры на представителей русской колониальной администрации. По дошедшим до нас сведениям, Фуркат высмеял в одном из своих сатирических стихотворений адъютанта туркестанского генерал-губернатора. Размножив свою сатиру, поэт расклеил ее в разных местах города. Подлинную ярость представителей высших классов вызвало сатирическое выступление Фурката против проживавшего в Ташкенте великого князя Н. Романова. Положение Фурката крайне осложнилось. В конце концов, Фуркат вынужден был покинуть родину.

В мае 1891 г. Фуркат переезжает из Ташкента в Самарканд, а оттуда отправляется за границу. Через Баку и Батуми поэт направился в Стамбул, потом — в Грецию и Болгарию, в Египет и Аравию, посетил Бомбей и Дели, затем переехал в Синьцзянскую провинцию Китая, где и поселился, избрав своим местожительством город Яркенд. Здесь он полностью посвятил свою жизнь наукам — занимался литературой, историей, физикой, химией, биологией, астрономией.

Он продолжал писать и посылал статьи и стихотворения в единственную издававшуюся в то время в Туркестане на узбекском языке газету «Туркистон вилоятининг газети».

Живя в Яркенде, Фуркат до последних дней своей жизни оставался подданным России. Это является одним из доказательств того, что он любил свою родину и жаждал вернуться в Туркестан.

Одно из стихотворений, написанных в Яркенде, Фуркат посвятил русско-японской войне 1904 — 1905 гг. Поэт высмеивает в нем английских капиталистов и их прислужников, распространявших оскорбительные выдумки о русском народе, и восхваляет русских солдат, которые, несмотря на растерянность и бездарность царского правительства и военного командования, стойко выносили все трудности войны и проявили великое мужество и смелость.

Полемизируя с высказываниями некоторых газет, выпускавшихся в Индии англичанами и пытавшихся по указке своих британских хозяев отрицать героизм и

военное искусство русских, Фуркат, будучи в Яркенде, написал ряд публицистических статей. «Индийские газеты, — констатировал он, — говорят много неверного и несоответствующего действительности. Большинство их утверждений лживо и лишено смысла. Все это пахнет самой откровенной завистью».

В другой статье Фуркат с возмущением говорит о карательных экспедициях английских насильников против горных афганцев, которых англичане стремились подчинить своей власти, и приветствует афганских женщин, смело боровшихся рука об руку со своими мужьями за независимость родины.

«Английские войска, прибывшие с большим числом пушек, ушли из этого цветущего мира в страну небытия»,¹ — пишет Фуркат в 1897 г.

Отвечая на клеветнические измышления англичан о русской армии, поэт язвительно высмеивает твердолобых, завистливых британских захватчиков, получивших в 1902 г. хороший урок от численно уступавших им буров.

Поэт с ненавистью отзывается об английских империалистах, стремящихся уничтожить свободу и независимость мирных народов. Он подчеркивает, что и отцы, и деды нынешних английских капиталистов для достижения своих захватнических целей были готовы на любые жестокости.

Живя вдали от своей родины, поэт печалится о нищенской, бесправной жизни народов Индии, Китая и Афганистана, изнемогавших под гнетом английских колонизаторов, китайских, индийских и кашмирских феодалов. Он возвеличивает дружбу между народами, горячо ратует за то, чтобы народы жили в мире, сотрудничестве и дружбе.

Особенно тепло отзывается поэт о дружбе русского народа с китайским. Оба великих народа, по глубокому убеждению Фурката, желают мирной жизни и процветания своих стран.

* * *

Фуркату так и не пришлось снова увидеть свою отчизну. Он умер в Яркенде в 1909 г. в возрасте 51 года.

¹ Туркистон вилоятининг газети, 28 ноября 1897 г.

До Великой Октябрьской социалистической революции произведения Фурката не были даже изданы отдельной книгой. Это вполне понятно: колониальная администрация, местные правящие классы были кровно заинтересованы в том, чтобы народ как можно меньше знал выдающегося прогрессивного поэта. Произведения Фурката рассеяны по различным антологиям, некоторые из них напечатаны в «Туркистон вилоятининг газети», другие остались в рукописях.

Только в наше, советское время творчество выдающегося поэта тщательно собирается, изучается, публикуется.

В истории общественной мысли узбекского народа конца XIX и начала XX в. поэт и просветитель Фуркат сыграл видную прогрессивную роль. Его стихи и статьи явились значительным вкладом в дело борьбы против невежества, религиозного мракобесия и бескультурья, царивших в дореволюционное время в Туркестане.

Стихи Фурката были близки народу, созвучны его чаяниям и стремлениям, талантливы, совершенны по форме. Вот почему узбекский народ любит и ценит вдохновенного певца, борца за просвещение Закирджана Фурката.

ХАЛИД РАСУЛЕВ

Кандидат филологических наук

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

1959

ГБ УаССР
10545

24231

ГИМНАЗИЯ

Посетил на днях гимназию Фуркат.
Он там долго пробыл, видел все подряд.
Это не гимназия, это сад в цвету,
Где цветы собирают среди красивых гряд.
Все науки мира расцветают там,
Юноши вдыхают сладкий аромат.
Пусть же все искусства и науки все
Изучать с усердьем будет каждый рад!
В этом классе слышен греческий язык,
В том — слова латыни древние звучат,
Русские законы изучают здесь,
К книгам и тетрадям тут прикован взгляд,
Там — немецкий учат; звонкие стихи
Повторяют хором голоса ребят.
Множество уроков было там еще —
Нынче все названья вспомню я навряд!
А когда в зените было солнце, вдруг
Грянул, ровно в полдень, пушечный раскат.
Юноши выходят — уж давно для них
Приготовлен завтрак, кушанья стоят.
В тонкостях науки их учителя
Древнего Платона знаньями затмят;
Молнии подобно движется их мысль —
Нет для них в науке никаких преград.
И не диво, если мудрецы теперь
Вновь Джамшидов кубок людям смастерят!
Словом, здесь обитель мудрости, и в ней
Всех наук откроешь драгоценный клад.
Вот стоит прозрачный шар из хрусталя —
При его вращенье молнии летят.
Ослеплен твой разум и рябит в глазах

От приборов мудрых — тут их целый склад,
И иные внятно говорят о том,
Что Платону снилось много лет назад.
«Вот как русский ценит просвещение!» — так
Думал я в восторге, завистью объят.
Жаль, что наши ханы, беки весь свой век
Проводили праздно, в поисках услад.
Возле них ученых не было людей,
Из невежд придворных состоял их штат.
Не было заботы об ученых: им
Не давали хода, почестей, наград.
Если б их ценили, — разве бы стране
Не было бы пользы больше во сто крат?
Это всем докажет хоть такой пример:
Знание — садовник, а отчизна — сад.
А теперь довольны! Чтоб не надоест,
Кончу речь на этом. Многословье — яд.
Ишуший цветов добра — по цветнику
Совершить прогулку счастлив был Фуркат.

О НАУКЕ

О юные друзья! Я обращаюсь к вам,
Внемлите вы моим отеческим словам.
Науке посвящу я этот свой рассказ,
Она — бессмертие и бытия алмаз.
Великий шах земли, державный Искандер,
Вселенную делил на семь обширных сфер.
Подвластен шаху был простор земель и вод,
Для шаха юртою был звездный небосвод.
Заполнили весь мир ряды его полков,
Со всех краев земли собрал он мудрецов.
Преданье говорит, что эти мудрецы,
Блистательных наук искусные творцы,
Стараясь угодить владыке своему,
Волшебное стекло изобрели ему.
В стекле волшебном том весь отражался мир,
Под солнечным лучом переливался мир.
И край земли любой, как бы он ни был мал,
Мгновенно в зеркале пред шахом представал.
Но если даже он, великий Искандер,
В чудесном зеркале все семь увидел сфер,
То слышать он не мог все голоса земли —
Об этом и мечтать в то время не могли.
О юноши! Сейчас столетье таково,
Что входит в нашу жизнь, как в сказке,
волшебство.
Россия принесла земле счастливый век,
Наукою теперь владеет человек.
Премудрые умы, мечтам народа вняв,
Построили в стране великой телеграф,
И если по нему известие дано,

То путь трехмесячный в час пролетит оно.
Чтоб о событиях обширнейшей земли,
Где бы ни жили мы, всегда узнать могли,
Чтоб с дальним Западом заговорил Восток,
Чтобы на Юге ты услышать Север мог,
Чтоб мог поговорить с далекою Москвой
Любой ташкентец наш, согражданин любой, —
Ученые умы воздвигли телеграф.
И славлю я его, удел певца избрав.
О юноши! Затмил преданья прошлых лет
Российской мудрости неоценимый свет.
Изобретениям науки нет числа, —
Нам их великая Россия принесла.
Достигнешь цели ты, наукой овладев,
Осуществишь мечты, наукой овладев.
Осведомленным стань во всех науках, друг,
И каждая из них понадобится вдруг.
Когда же станешь ты и светел и богат,
Припомни, что во тьме жил на земле Фуркат.

О МУЗЫКАЛЬНОМ СОБРАНИИ, СОСТОЯВШЕМСЯ
В ГОРОДЕ ТАШКЕНТЕ

О златоусты средь красноречивых,
Бесценный жемчуг в море свойств счастливых,

О скачущие по тропе науки
Мужи, чьи кони — знания и звуки,

Я вам мечтаю бусы подарить:
В них рифмы — бусинки, рассказ мой — нить.

Итак, я свой рассказ начать могу ли?..
Год девяностый; первый день в июле.

По русской части города-столицы
Я вышел погулять, чтоб освежиться.

Большое здание средь высоких зданий —
Для русских место празднеств и собраний.

В тот вечер было людно в здании этом.
Я взял билет и в зал прошел с билетом.

Увидел я великолепье зала,
Где все огнями яркими блистало.

Оглядывал я восхищенным взором
И фонари, и занавес с узором.

Мне зал казался освещенным садом.
Там стулья разместились ряд за рядом.

Те ближе, эти далее от сцены
(здесь на места различны были цены).

Рассаживались дамы и мужчины.
Вперед шла знать, назад — простолюдины.

Здесь, кроме русских, были иностранцы:
Мне встретились французы и германцы.

Нетерпеливо ждали все начала.
Свободных мест совсем уже не стало.

Артист с одной артисткою вначале
Пред зрителями спели и сыграли.

Они ушли, и вышла к нам певица.
О, как была она прекраснолица!

Глядели мы, глазам своим не веря, - -
Она была прекраснее, чем пери.

Она была одета в голубое,
Она листок держала пред собою.

Два музыканта петь ей помогали:
Играли на гитаре и рояле.

И пенье, и его сопровожденье —
Все людям приносило наслажденье.

И после отделило лишь мгновенье
Звук музыки от грома восхищенья.

Я поглядел налево и направо —
Все хлопали, кричали громко «браво».

Певица улыбнулась, поклонилась
И, будто бы звезда за тучи, скрылась.

Но вскоре, повинясь воле зала,
Пред зрителями вновь она предстала.

И снова к людям песнь ее летела,
И вновь восторгу не было предела.

Потом певец зачаровал нас песней.
Он пел не соловьем — еще чудесней.

Мы все и это сказочное пенье
Вознаградили громом восхищенья.

Но вскоре снова все затихло в зале.
Две женщины пред нами выступали.

Одна запела песню, а другая
Склонилась над роялем, в лад играя.

От чудных звуков люди замирали
И забывали про свои печали.

Но вскоре отделил нас от актеров
Шелк занавеса с множеством узоров.

Был перерыв, а после перерыва
Все по местам расселись торопливо.

И только занавес успел подняться —
На сцену вышло девушек пятнадцать.

И замер зал от чудных звуков хора,
Послушного движеньям дирижера.

То разводил, то поднимал он руки —
Иплыли в зал чарующие звуки.

То опускали головы певицы,
То шейки вверх тянули, словно птицы.

Их голосов божественная сила
Сердца всех, кто их слушал, покорила.

И, пораженный мастерством великим,
Окаменел и стал я безъязыким.

Подобного я не слышал доселе.
Восторг и радость мною овладели.

Хотелось мне рвануться к музыкантам,
Хотелось крикнуть: «Слава их талантам!»

Одиннадцать часов; ушли певицы,
С концерта люди стали расходиться.

Но, как во сне, очнулся я не разом.
Казалось мне — меня покинул разум.

Я шел, как пьяный, в тишине и думал:
«Прийти в себя скорей бы мне!» — я думал.

Я в эту ночь, признаюсь вам, о братья,
Не спал: не мог с собою совладать я.

Все, что я видел, мне б увидеть снова! —
Нет у меня желания иного.

СУВОРОВ

(О спектакле, шедшем 5 октября 1890 года в Ташкентском городском театре)

Эй, музыкант, начни играть для нас,
На ратный лад настрой звенящий саз.

Где быстро заиграй, где не спеша,
Чтоб веселилась зрителей душа.

Спектакль про полководца-храбреца
Прекрасен от начала до конца.

Чем славен он, как жил давным-давно,
Все это здесь свола отражено.

* *
*

Суворов был прославленный навек
Военный вождь, великий человек.

Бесстрашный, он в течение ряда лет
Войска России вел тропой побед.

Испытанный знаток военных дел,
Он много знал, во многом преуспел.

Но вот екатеринин век прошел —
Сел император Павел на престол.

Издав свои законы новый царь —
Все по-новому, все не так, как встарь.

Узнал Суворов о таких делах,
Увидел эти новшества в полках

И гневно произнес, царю в укор:
«Помилуй бог, все эти штуки — вздор!»

Когда дошла до Павла эта речь,
Он был не в силах ею пренебречь.

Тотчас велел Суворова позвать
И так сказал: «Ты смеешь осуждать

Мои порядки и законы? Что ж!
Уйди в отставку, если я негож».

Ушел Суворов. Воин и герой
В деревню удалился на покой.

Жил скудно, к земледелию привык,
Ходил за плугом, как простой мужик.

Порой, собрав вокруг себя ребят,
Он обучал их, как своих солдат.

Вручив им палки, трость, как шпагу, взяв,
Он объяснял им воинский устав:

Как строй равнять и как в бою с врагом
Разить прикладом и колоть штыком.

Но и тогда, в глуши изгнанья, он
О всех событиях был осведомлен.

Так время шло. Так он в деревне жил.
Был скромнен, прост. С крестьянами дружил.

В ту пору всю планету вдоль и вширь
Потряс один могучий богатырь.

Он был француз, но храбрый, как орел.
Сиял над ним успеха ореол.

Тот богатырь звался Наполеон.
Прославился во многих битвах он,

Пошел войной на Австрию, на Рим.
Склонилась вся Европа перед ним.

Австрийский царь испуган был весьма
И сел за составление письма.

Просил поддержки русского царя,
Чтоб вместе обуздать богатыря.

Все описал подробно до конца,
Послал в Россию верного гонца.

В хороший ясный день, в счастливый час
Дошло его письмо до царских глаз.

Он так писал: «О царь племен, о тот,
Чья мощь для всех обиженных — оплот!

Снимите с наших душ печали груз,
Идет на нас войной один француз.

Хоть он не царь, но силою своей
Стал выше многих на земле царей.

Подобной мощи мир еще не знал.
Пред ним бы и Рустам не устоял.

Он может разгромить до тла сейчас
Не только итальянцев, но и нас.

Надежда лишь на вас, о царь царей.
Направьте к нам Суворова скорей.

Увенчан славой, в битвах закален,
Пусть оба войска возглавляет он».

Как только русский царь письмо прочел,
Он тотчас взял перо и сел за стол.

Обиды старой вспоминать не стал,
Приятное посланье написал.

Поставил подпись, приложил печать.
Велел гонцу к Суворову скакать.

Гонец, явившись к полководцу в дом,
Отдал поклон как должно, а потом

Промолвил внятно: «Я царев слуга,
Как честь, мне эта служба дорога.

Царь вам посланье ласковое шлёт.
Вас снова ждут награды и почёт».

Суворов, помолчав, ответил так:
«Не мне посланье. Я простой бедняк.

Теперь уже не тот Суворов я.
В деревне жить теперь судьба моя.

Я слабый и беспомощный старик,
От службы ратной я давно отвык».

Гонец сказал: «Нет, нет! Посланье — вам.
Прошу прочесть и внять его словам!»

Суворов больше возражать не стал,
Взял наконец посланье, прочитал.

Увидел, что действительно оно
Полно похвал, приятных слов полно.

Обрадовалось сердце старика,
Рассеялась печаль, ушла тоска.

С деревней в тот же час простился он,
К царю на службу возвратился он.

На службе много получил щедрот,
Стал жить в довольстве, заслужил почёт.

Возглавил он российские войска,
Возглавил он австрийские войска,

Составил для себя сраженья план,
Отправился освобождать Милан.

Повел войска дорогою прямой,
Чтоб дать французам беспощадный бой.

Повел он на французские полки
России, Рима, Австрии штыки.

И грянул бой — ужасный до того,
Что нету слов, чтоб описать его!

Французы долго биться не смогли,
Бежать пустились, прахом полегли.

Освободился от врагов Милан,
Вернулась радость в души горожан.

Вошел в Милан прославленный герой,
Расположился с войском на постой.

В те дни одна маркиза там жила.
Была она прекрасна, весела.

Весь город преклонялся перед ней.
Она пленяла даже королей.

Как драгоценный яхонт в руднике,
Жила она в своем особняке.

И вот маркизе говорят о том,
Что сам Суворов к ней приедет в дом.

Узнав такую радостную весть,
И веря, и не веря в эту честь,

Весь этот день у своего окна,
Шепча: «Не может быть!» ждала она.

«Он едет, едет!»—закричала вдруг
Толпа стоявших возле дома слуг.

И вышел из кареты золотой
Суворов. Но Суворов подставной.

В мундир Суворова парадный облачён
Был человек похожий, но не он.

А сам Суворов в сюртуке простом
Пешком пришел к маркизе знатной в дом.

Маркиза стоя встретила его.
Почтительно приветила его.

Суворов поклонился в свой черёд.
Спросил: здорова ли и как живет.

Друг другу по душе они пришлись,
Приятным разговором занялись.

И к радости взаимной, под конец
Признались в нежной склонности сердец.

Светился лаской чаровницы взор,
Приятный продолжался разговор.

Она сказала: «В сюртуке простом,
Как скромный гость, вы шли ко мне пешком.

И в тот же час в карете золотой,
Я знаю, ехал человек другой.

Осанкой и лицом похож на вас,
Он стал для всех Суворовым на час.

Сказали вы: «Похвал и славы мёд
Пусть за меня другой сегодня пьёт».

Тут подошли, прервав беседу их,
Три женщины в нарядах дорогих.

Заговорили с ним о том, о сѣм,
Хвалили за победу над врагом,

Сказали: «Каждый день и каждый час
В сердцах своих мы будем славить вас!»

Гостями окружен со всех сторон,
Суворов был смущен и оглушен.

Меж тем маркиза, отойдя к другим,
С улыбкой тихой любовалась им.

Тут кем-то тайный подан был сигнал,
И гости разошлись, покинув зал.

Когда ж Суворов к спальне сделал шаг,
Пал занавес, объявлен был антракт.

Так летопись далеких дней былых
Прошла пред нами в обликах живых.

О ВЫСТАВКЕ В ГОРОДЕ ТАШКЕНТЕ

I

Был сентябрь... Восемьсот девяностый был год.
Стовсюду на выставку ехал народ.

Довелось эту выставку видеть и нам.
Все, что есть в нашем мире, представлено там.

Там на зависть Ирэму раскинулся сад —
Душу радует чистый его аромат.

Животворной, прозрачной водой орошён,
Густолиственный, манит прохладой он.

Вдоль аллей ароматные розы в цвету,
Соловьи славят нежную их красоту.

Павильоны прекрасны! Объезди весь свет —
Скажешь сам, что подобных, что равных им нет.

Да! Тому, кто красой этой смог пренебречь,
Будет душу раскаянье горькое жечь.

Собралось тут немало людей деловых.
Расстоянье не стало преградой для них.

Все они, чтоб от выставки польза была,
Привезли образцы своего ремесла.

Самарканд, Бухара... Нет, немислимо счесть
Городов, чьи товары представлены здесь,

Мастеров, чьи изделия заполнили сад,
Совершенством невиданным радуя взгляд.

Пусть же выставку эту во многих местах
Славят мудрые люди на всех языках.

Пусть повсюду в газетах напишут о том,
Как почетно, как ценно владеть ремеслом,

Чтобы добрая слава людей ремесла
Прогремела повсюду, стократ возросла.

Пусть придут в этот сад мастера для того,
Чтоб упредить, расширить свое мастерство.

Много ценных изделий, представленных тут,
Несомненно их разум и взор привлекут.

Для того, кто пытливым умом наделён,
Для того, кто к науке душой устремлён,

Эта выставка — кладезь. Увидев её
Обновит и умножит он знанье своё.

Он войдет и осмотрит здесь все не спеша,
Потому что здесь каждая вещь хороша!

Вот, искусно вплетая в основу уток,
Привлекает наш взгляд шелкоткацкий станок.

Вот создание мудрости, гордый колосс —
Обгоняющий ветер стальной паровоз.

Здесь — орудье сверкает могучим стволом
И широким, двенадцати дюймов, жерлом.

Там — крупнейший колокол — чудо чудес.
Подойдя, мы спросили, каков его вес.

Нам сказали: «Пятьсот шестьдесят один пуд.
А когда в этот бронзовый колокол бьют —

Звук его, мелодичный, торжественный звук,
Слышен людям на многие версты вокруг».

Вот — отличный станок для распилки досок,
Облегчает труд плотника этот станок.

Он удобен и прост, сделан прочно, навек.
Им легко управляет один человек.

Поглядите! Минута еще не прошла,
А уж доскам напиленным нету числа!

Здесь, дивясь мастерству всех народов и стран,
Восхищались мы также трудом мусульман.

Вот хотя бы отливка чугунных котлов —
Заслужила немало восторженных слов.

Да! Чудесные вещи заполнили сад,
Совершенством невиданным радуя взгляд!..

Привлекла эта выставка многих людей —
Мастеров, изощренных в работе своей.

Собрались они вместе на дружный совет.
Разум каждого — светоча яркого свет!

Знания каждого — редких алмазов гора!..
Были также и русские тут мастера.

Говорили: «Прославлен не зря Туркестан.
Выше всяких похвал мастерство мусульман!»

О ВЫСТАВКЕ В ГОРОДЕ ТАШКЕНТЕ

II

Я выставку осматривал три дня.
Здесь удивило многое меня.

Тот вкус, что каждому дала природа,
Успешно заменял экскурсовода.

Сначала я осматривал дары
Счастливой, благодатной Бухары.

Я видел множество предметов ратных,
Для сердца мне особенно приятных.

Блистали шлемы, стрелы и щиты,
Кольчуги несказанной красоты.

И сабля исфаганская блистала,
И сабля ардаванского металла.

Я любовался, может, больше часа
Вещами из адраса и атласа.

Я любовался бархатом, парчою,
Блестевшей вышивкою золотою.

Потом в ургенчском видел я отделе
Немало удивительных изделий.

Ковры и ткани, горы белой пряжи,
Арбу большую, полную поклажи.

Залюбовался я ткачом умелым —
На выставке он занимался делом.

Потом пошел я в тот конец, откуда
Услышал крик осла и рев верблюда.

Храпели кони, ржали кобылицы.
Глядели — не могли мы надивиться.

Кашгарский конь, чей рост два с лишним **гяза**,
Был радостью для сердца и для глаза.

Коня торгую, публика кричала.
Сто пятьдесят рублей давали... Мало!

Я видел лошадь русского завода.
В ней чувствовалась сила и порода.

И жеребцы и матки продавались,
Вокруг купцы толкались, торговались.

Здесь были кони пегие, гнелые,
Каурые, седые, вороные.

Есть на земле коней немало царских —
И русских, и текинских, и бухарских.

Ослы здесь были и тяжеловозы,
Бараны и диковинные козы.

И в виде чучел барсы и медведи
Стояли здесь, как добрые соседи.

Лиса была такая, что сперва я
На чучело сказал: «Лиса живая!»

Я видел уток чинных, цапель длинных,
Фазанов, куропаток и павлинов.

И попугаи с горlinkами вместе
Сидели за решеткой на насесте.

Здесь был обыкновенный серый сокол
И белый сокол — гость земли далекой.

Мы и борзыми восхищались, глядя
На уши их, длиною больше пяди.

И тонконоги, как в горах газели,
На нас из клеток гончие глазели.

Хоть мой рассказ и краток и невнятен,
Но умным людям и такой понятен.

Коль осенит язык мой вдохновенье,
В газете вы прочтете продолженье.

О ВЫСТАВКЕ В ГОРОДЕ ТАШКЕНТЕ

III

Да будет пищею для вдохновенья
Все то, что увидал на третий день я.

Немало здесь диковин я увидел,
Неведомых штукovin я увидел.

Из тех вещей, что открывались глазу,
Про большинство я не слыхал ни разу.

Здесь побывало мудрецов немало,
Но многое и мудрых удивляло.

На белом свете не хватило б злата,
Чтоб все купить, чем выставка богата.

Здесь были, например, два фонаря,
Горевшие, как яркая заря.

Светильники, что не нуждались в масле,
По мановенью проволоки гасли.

И свет их был отличен от дневного:
Был ярче он и цвета был иного.

Чудесный свет — могли бы мы сказать —
Уму изобретателя под стать.

Одни фонарь считали тульским газом
С искусно скрытым дорогим алмазом.

Иные говорили: «Это медь,
Что порохом сумели натереть!»

А мне казалось — может, я неправ, —
Что это — тот же самый телеграф,

Что по столбам откуда-то сюда
Стальные протянули провода,

Чтобы по ним пороховая сила
Пришла б сюда и лампы засветила.

Но, чем бы это ни было явление,
Кусали руки все от удивленья.

И говорили так: «Изобретенье
Достойно восхищенья, одобренья».

Теперь, встречаясь, — двое или трое, —
О выставке толкуют меж собою.

Смотрели б год, и то б не надоело.
Могуществу людскому нет предела.

Да будет — дай мне, небо, вдохновенье —
У моего рассказа продолженье.

РОЯЛЬ

Внимания, друзья мои, прошу:
О новых впечатленьях вам пишу.

Я изложу стихами в этот раз
О музыкальных чудесах рассказ.

Наслушался за это время я
Разнообразной музыки, друзья!

Но в русском был концерте я вчера —
Вот где искусство, вот где мастерал

Я слышал инструмент один — рояль:
То гром гремит, то чуть звенит хрусталь.

В нем, что ни клавиш, то особый звук.
Звучат то врозь, то шумной бурей вдруг.

Что композитор чувствовал — артист,
То чувствует волшебник-пианист.

И все, чем сам он полон в этот час,
Переживать заставит он и вас.

Пусть его сердце рвется на куски
От одиночества и от тоски;

Пусть, угнетен судьбою, он скорбит
От неудач и от людских обид

Иль, потрясен утратою большой,
Он в горький траур погружен душой

И не с кем разделить ему печаль, —
Все за него поведает рояль.

А если взыскан был судьбою он,
И в некую красавицу влюблен,

И знает, что избранницей любим,
Но, счастьем весь захлестнутый своим,

Не может слов найти в душе своей,
Чтобы достойно высказаться ей, —

То этих драгоценных слов тайник
Ему откроет музыки язык.

И станет явным его чувство всем,
Все выскажет язык искусства всем...

В концерте том и пенье слышал я.
Не ведал наслажденья выше я!

Душа была взволнована до дна,
Когда запела девушка одна.

Звучала песнь ее роялю в лад,
В ней нежность и укор звучали в лад.

То глухо голос девушки рыдал,
То вздохом еле слышным трепетал,

То жалобно он плакал, как свирель,
То рассыпал надежды робкой трель...

Сидел я, словно стрелами пронзен,
И слушал — сам не зная, явь или сон,

И чувствами был переполнен я,
Как водами весной Аму-Дарья.

Признаюсь: я с собой не совладал —
Слезам восторга вдруг я волю дал.

Так собственной души я не постиг,
Как душу композитора в тот миг.

И стала мне его душа близка:
Та, освежающая дух тоска,

И грусть его, и радость, и мечты,
Что в нотные он перелил листы...

О, если бы мне снова испытать
Той музыки высокой благодать,

Услышать голос той певицы вновь,
Что лился в сердце, как живая кровь, —

Как был бы счастлив я! Ни о какой
Усладе не мечтал бы я другой.

Но если б этой музыки секрет
Хотя бы через двадцать-тридцать лет

Усвоить внукам нашим, ты б, Фуркат,
Считал себя утешенным стократ.

О МОГУЩЕСТВЕ РУССКИХ ВОЙСК¹

Цветенье слов дари весне, Фуркат,
Стихами превращай газету в сад.

Газеты Индии оставь сейчас, поэт,
Для Туркестанских потрудись газет.

Стань ветру верным спутником в пути,
На крыльях дум в Маньчжурию лети.

В тот край, куда, теряя тратам счет,
Япония своих драконов шлет.

Их сотни тысяч. Ярые, они
В грудь русских мечут смертные огни.

Но русских войск отвага велика,
Искусны в битве русские войска.

И бой кипит. В крови холмы. поля.
Как зарево, багряна вся земля.

Гремит орудий огненная мощь,
Нешадно льется пуль свинцовый дождь.

Звеня, дробясь, сшибаются мечи,
Рассыпав искры алые в ночи.

¹ Печатается в сокращении.

Казачи мчатся... Самураям смерти!
Поверженные устилают твердь...

Да, это бой! С тех пор как мир живёт,
Таких бойцов не видел небосвод!

С кем их сравнить? Какой найти пример?
Ни Цезарь, ни Фагфур, ни Искандер,

Хоть славу их боев хранят века,
Не бились так, как русские войска!

И если б жить пришлось им в эти дни
И русских битвы видели они,

Они сказали бы: «Ужасный бой!
Нет равных этой мощи боевой».

Я знаю, слышу голоса иных,
Не признающих правды слов моих.

Они, японцам вознося хвалу,
На войско русских рады лить хулу.

Что плох у русских воинский совет,
Что воинской у них науки нет,

Что русский стал, утратив дух былой,
Железом, заржавевшим под землей.

Ну что ж! Как говорит у нас народ:
«Собака лает, караван идет».

Читали мы и англичан статьи,
Описывая русские бои,

Они там о беспечности твердят.
А что ж тогда сказать про их солдат?

Знакомясь с англо-бурскою войной,
Ее какую оценить ценой?!

Меня корят, что мой несдержан пыл,
Что я Россию слишком расхвалил.

Нет, я не лгу, ее бойцов хваля.
Об их отваге знает вся земля.

Насколько ценен жемчуг иль сапфир,
Об этом лучше знает ювелир.

Кто географию отменно знает, тот
Мои слова проверит и поймет.

Подумает о трудностях пути —
Легко ли до Маньчжурии дойти!

Припомнит, сколько тысяч шло в поход,
Какие реки проходили вброд,

Какие степи русские прошли,
Какое снаряжение пронесли

Под зноем, без воды, с ружьем в руках,
Со скатками и ранцем на плечах...

Так разве не упорны, не сильны
Страна Россия и ее сыны?!

Нет, неспроста народы многих стран
Восхищены отвагой россиян.

Так повелось. Огонь солому жжет.
Разумный сущность этих слов поймет.

Теперь, Фуркат, дай мыслям отдохнуть.
Придут известья — снова выйдешь в путь.

1905 г.

О ЗНАЧЕНИИ ПОЭТА И ВОЗВЫШЕННОСТИ ПОЭЗИИ

Делам поэта и его словам
В рассказе этом должное воздам.

Все ценное, что украшает свет,
В стихах прекрасных рад воспеть поэт.

Увидев на пути красивый дом
Иль сад с прозрачным, как стекло, прудом,

Увидев степь без края, чей простор
Смягчает душу и ласкает взор,

Иль с мудрым мужем встретившись в пути —
Бесстрастно можно ль мимо них пройти?!

Недобрым словом можно ль вспомнить? Нет!
Хорошему всем сердцем рад поэт.

Вот Саади. Немало лет подряд
Он ездил, жаждой знания объят.

Поэт во многих странах побывал,
Повсюду становился на привал

И после рассказал в своих трудах
Про все, что видел в разных городах.

Обрисовал обычаи племен,
Их веру, их порядки, их закон.

О том — стихами, прозой — о другом.
И незнакомый мир нам стал знаком.

Но все ль поэты таковы у нас?
У всех ли должный знания запас?

Взять хоть иных ферганских. До сих пор
У них, признаться, узок кругозор.

Сидят в своих домах, своих садах,
Не побывали в русских городах.

Не знают, как там трудится народ,
Чем знаменит он, что он создает.

А там как раз чудесного не счесть.
Там вдохновенью много пиши есть!..

Мы видим совершенство мастерства —
Когда в стихах на месте все слова.

Фирдоуси, Хафиз и Саади,
Чьи имена всегда храним в груди,

Прекрасных много слов произнесли,
Став знаменем поэтов всей земли.

Вот в «Шах-наме», описывая бой,
Фирдоуси придумал бейт такой:

«Помчались так, врагу наперерез,
Что стало шесть земель и семь небес!»

Изящный бейт! Чтоб написать его
Отточенное нужно мастерство!..

Поэт всегда в раздумье погружён,
В каком бы состоянье ни был он.

И в час, когда душа его светла,
И в час, когда тоска на грудь легла,

Он ищет слов созвучных, слов таких,
Чтоб все, что есть в душе, звучало в них.

Найдет слова, напишет, перечтёт,
Потом на суд народа отдаёт.

ОДНАЖДЫ В ГРЕЦИИ

Прошу послушать, милые друзья,
О том, что видел я и слышал я.

В скитаньях по земле и по воде
Бывал удачлив я, бывал в беде.

Объездил много городов и стран
И в Грецию повел свой караван.

Чудесный край! Везде растут цветы,
Все улицы, как серебро, чисты.

Там каждый дом из мрамора, как храм,
Сверкают окна позолотой рам.

Богатых магазинов стройный ряд
Манит к себе, приковывая взгляд.

Поодаль — баня. Кто в ней мылся, тот
Всем прочим баням эту предпочтёт.

Чуть смеркнется — везде горят огни.
Как звезды в небе, светятся они.

Полосками садов окаймлены,
Как стан девичий, улицы ровны.

Там у меня один знакомый был.
Я вместе с ним по городу бродил.

Мы с ним смотрели рынки, цветники,
Гуляли с ним по берегу реки.

Однажды я без цели, просто так,
К селению Джалтуш направил шаг.

В речной долине близ дороги там
Стоит высокий христианский храм.

Над храмом, видимый для всех окрест,
Сияет в небе золоченый крест.

По воскресеньям, чуть заря взошла,
Под куполом звонят колокола

И христиане сходятся толпой
Молиться здесь, храня обычай свой.

Там я услышал девушки рассказ,
Который изложу в стихах для вас.

Уж много лет, как я рассталась с ней —
С Италией, отчизною моей.

Жила я раньше в Риме у отца,
Богатого и знатного купца.

В своем кругу он был богаче всех.
Главой признал его торговый цех.

Отец мой не имел других детей,
Но даже и за сотню сыновей

Не отдал бы меня. Он всей душой
Привязан был ко мне, гордился мной.

Когда мне минуло пятнадцать лет,
Краса моя затмила солнца свет.

В тот год во всех краях, по всей стране
Распространилась слава обо мне.

И начался, и зашумел базар —
Горячий торг вокруг девичьих чар.

Все заспешили к дому продавца,
Желая за товар отдать сердца.

Но захворала я, и торг затих.
Пришлось укрыться мне от глаз людских.

Слабел мой пульс, едва дышала грудь.
Открыли кровь. Не помогло ничуть.

Явился доктор к ложу моему,
Казалось, Аристотелю то уму.

Он дал мне выпить камфору в вине.
Хотел он этим жар ослабить мне.

Но мне камфарный не помог нектар —
Еще сильнее разгорелся жар.

И, захмелев от этого питья,
На пьяницу похожа стала я.

Подобных много было неудач.
Но вот еще один явился врач.

Увидел состояние мое,
Бессильное дыхание мое,

Взглянул на щеки, блеклые от мук,
Проверил пульс, определил недуг.

Сказал отцу, предугадав вопрос:
«У вашей дочери туберкулез.

Найдите место около реки,
Где воздух чист, где доли широки.

Постройте дом для дочки и для слуг,
С верандами на север и на юг.

Украсьте это место цветником
И отвезите дочку в этот дом.

Тогда возьмусь лечить я вашу дочь
И, может быть, сумею ей помочь».

Отец, конечно, возражать не стал,
Все сделал так, как доктор приказал.

Прекрасный дом на берегу воздвиг,
Вокруг прекрасный вырастил цветник.

Затем богатый снарядил обоз
И сам в тот новый дом меня отвез.

Почти полгода там я пробыла.
Лекарства всевозможные пила.

И вот, как будто заново родясь,
Я наконец окрепла, поднялась.

Однажды утром с удочкой в руке
Пошла я рыбу ловить в реке.

Вдруг ураган примчал издалека,
Разбушевалась, вздыбилась река.

На берег прыгнул яростный поток,
Я бросилась бежать, не чуя ног,

Но грозный вал, высокий, как утес,
Настиг меня, осилил и понес.

Моей могилой стала бы река,
Но бог послал мне в помощь рыбака.

Рыбак закинул сеть свою в поток,
Меня, как рыбу, из воды извлек,

Увидел, что лежу я чуть жива,
Увидел, что дышу едва-едва.

Разжал мне зубы, влил мне в рот шербет.
Вернул мне жизнь, вернул мне белый свет.

Потом сказал: «О роза, отвечай,
Зачем ты здесь, где твой родимый край?»

В каком ты распустилась цветнике?
Как очутилась в яростной реке?»

Тогда к его ногам припала я,
Заплакала и застонала я.

Всё, всё ему поведала тогда.
О том, как вдруг нагрянула беда,

О том, как я жила в стране родной,
О том, как мой отец гордился мной,

Как я увяла от бесчисленных мук,
Когда меня заполонил недуг.

Как не могли врачи сообразить,
В чем боль моя и чем ее лечить.

Поведала ему, как наконец
Нашелся врач, воистину мудрец.

Как у реки был выращен цветник
И новый дом на берегу возник.

Как я гуляла в этом цветнике,
Как вышла рыбу половить в реке.

И как, внезапной злобой обуян,
Увлек меня в пучину ураган.

Когда рассказ мой выслушал рыбак,
Он по груди стал бить себя, бедняк.

Воскликнул он: «О ненавистный рок,
Как ты бесчеловечен, как жесток!

Зачем ты омрачаешь бытиё?!
За что обидел слабую её?!

Она ведь роза в роше красоты,
Зачем ее, коварный, топчешь ты?!

Зачем послал ей столько тяжких мук
И пальму стана ей согнул, как лук?!»

Воскликнув так, он пролил много слез
И в хижину свою меня отнес.

Там жили мы, там вдоволь ели мы,
Там провели с ним две недели мы.

Потом в далекий путь пошли мы с ним,
Пошли к отцу в родной мой город Рим.

В то время и отец, и вся родня
В живых уже не числили меня.

Считали, что погибла я в реке,
Недели траур, предались тоске.

Внезапно увидав меня живой,
Был потрясен отец любимый мой.

В лицо мое взглянув, заплакал он,
Сказал: «Воскресла ты, иль это сон?»

Тогда, склонясь на землю у крыльца,
В слезах припала я к ногам отца.

И так был жгуч поток тех слез моих,
Что даже камни растворились в них!

От бурного волнения сердец
То я без чувств лежала, то отец.

То вновь, как будто выбравшись из тьмы,
Смотрели молча друг на друга мы.

Потом я рассказала, где и как
От лютой смерти спас меня рыбак.

Тогда отец душой возликовал,
Дал денег рыбаку, товаров дал,

Не пожалел ни времени, ни сил,
С почетом в путь обратный проводил.

В тот год дала я господу обет
Покинуть отчий дом на много лет,

Ничтожных дел мирских отринуть прах
И побывать во всех святых местах.

В дорогу много золота взяла
И странствовать по свету начала.

Объездила я многие края,
Видала Нил, была в Вампуре я

И, наконец, предстал передо мной
Заветный край, Иерусалим святой.

Всевышнему я помолилась там,
Там поклонилась я святым местам.

Весь край священный обошла пешком,
И в Грецию отправилась потом.

Прибыв сюда, я наняла жилье,
Продолжила моление моё.

За семь недель, что я здесь провела,
В семи церквях господних я была.

Еще немало тут священных мест,
Но мне теперь уже пора в отъезд.

О Франции мечтала я давно.
Теперь мечте стать былью суждено.

Пробуду там неделю, помолюсь
И до границ России доберусь.

ТЬФУ НА НИХ!

Посмотрите на кокандских богачей самовлюбленных —
тьфу на них!
Ездят, важно развалившись в пароконных фазтонах, —
тьфу на них!
Суетятся, вертят, крутят... на чужие деньги,
Куклы, дураки!
Вы в руках у фабрикантов ситцевых или суконных —
тьфу на них!

Деньги есть — живи. А смотришь — капитал чужой
промотан — ты банкрот!
Ни кредита, ни почета, ни улыбок благосклонных —
тьфу на них!
Где роскошные халаты, лошади, дома, брильянты?
Пух и прах!
Проку, видно, нет в богатствах, плутоаством
приобретенных, — тьфу на них!

К ростовщичеству, к наживе, несомненно, с колыбели
вас влечет.
Прочь от милостыней ваших, преступленьями
клейменных, — тьфу на них!
Грош — голодному, а сотни тратите на угошенье
богачей,
Мулл, ишанов-блюдолизов, чести, совести лижисных, —
тьфу на них!

Толстобрюхие невежды. Ведь осел в сравненье с вами —
грамотей!
На отцов духовных ваших, богословов лжеученых —
тьфу на них!
Сколько б ты ни обличал их, сколько б ни плевал
им в рожи, о Фуркат!
Снова плюй на сброд богатый, на мошенников
прожженных — тьфу на них!

ЛИРИКА

ГАЗАЛИ

НА АЛОМ ЕЕ ЛИЦЕ

Иль испарина это на алом лице от вина,
Иль росинка на розе, зарей пробужденной от сна?

Брови ль это, усма или ржавый от крови кинжал,
Или краской залили бровей ее свод дочерна?

Это кудри вокруг щек иль драконы с обеих сторон
Охраняют шкатулку, что дивных сокровищ полна?

Ты открыла лицо, и замолкли тотчас в цветнике
Соловей обезумевший, горлинка, что влюблена.

Из-под ног твоих пыль люди рвут друг у друга из рук —
Так сбегаются нищие к месту, где блещет казна.

Под угрозой кинжалов, под лезвием тонких бровей
Усмирились глаза твои — буйные два колдуна.

Сбрось надменность свою! Этот груз — не под силу тебе,
Шелк приличней красавице, той, что хрупка и нежна.

Только стоит взойти полумесяцам тонких бровей
Над созвездием глаз — у Фурката душа смятена!

В САДУ

Только черные кудри она распускает в саду —
Гиацинта мгновенно досада сдает в саду.

Из-за щек ее нежных в смятенье увял базилик,
Уступил их румянцу тюльпан ярко-алый в саду...

О китайская перн, ты в шутку мне слово дала,
Ты свиданье, смеясь, мне вчера обещала в саду.

Не стнай, соловей!.. Та, что розы нежней, не пришла!
Тише, горлинка!.. Нынче она не мелькала в саду!

Этим дивным престолом владеет султан красоты —
Занимать его розе отнюдь не пристало в саду.

Увидав ее стан, изогнулся, поблек кипарис:
Стало стыдно ему, что он значит столь мало в саду!

Ах, как утро прекрасно! Тюльпаны налиты росой.
Как вином искрометным цветные фиалы в саду.

Если горлинка стонет и плачет в саду соловей,
Как влюбленному быть?.. Сердце плакать устало
в саду!

Соловей у тебя пусть поучится грусти, Фуркат,
Чтобы музыка слов твоих песней звучала в саду.

КОГДА БЫ САД РАСЦВЕЛ ВЕСНОЙ

Когда бы сад расцвел весной и розы в нем прекрасны
были!

Влюбленным надо быть вдвоём, чтобы слова их
страстны были.

Дала обет не пить вина возлюбленная в день осенний,
Час возлияний наступил — обеты все напрасны были.

Прохладный воздух, водоём, в тени удобная скамейка,
К воде склонившийся тростник когда б со мной всечасно
были!

Вина рубинового ток, бутылъ и золотая чаша —
Была б красавица со мной! — они бы нам подвластны
были.

Когда б над розой соловей и горлинка на кипарисе
Здесь тосковали по тебе, как я, в любви несчастны были!

Там кавсара и райский сад, святое древо, что в них
проку?
Здесь портик мира и пиры — мы их забыть не властны
были.

Сад мира полон торжества. Но как увидит радость
мира
В обители скорбей Фуркат, коль дни его ненастны были...

ЖИЗНИ НЕ РАДЫ МЫ

Жизни не рады мы, если весна не дарит нас теплом,
Если в степные просторы не выйдем с веселья ковром.

Если красавица кравчим не будет блистать на пиру,
Мы наслаждений желанных в вине никогда не найдём.

Славно, когда соберутся приятели, вин знатоки,
Славно, коль трезвых не будет на этом собранье
хмельном.

Там, где тюльпаны алеют, ковер наслаждений хорош,
Если пылочки несчастья осесть не успели на нём.

Тело, не знавшее страсти, пускай обращается в прах,
Попран будь всякий, кто не был охвачен любовным
огнём!

Каждой весной Фуркату приятно о пире мечтать —
Тех, кто веселья не жаждет, людьми разве мы назовём?!

УВИДАВ ТВОЕ ЛИЦО

Пред ликом твоим даже солнце смущенно зарделось
огнём,
В кровавой заре утонуло и скрылось во мраке ночном.

Вошла ты в свой сад, о подруга! сняла покрывало с лица,
И роза среди листьев осенних смущенно поникла челом.

Твою красоту, как загадку, понять мудрецы не могли:
Сначала в сомненье молчали и спорили долго потом.

Твой стан так прекрасен, что даже и сам горделивый
самшит
К ногам твоим голову клонит, забывшись пленительным
сном.

Красавица дивная? В жертву я сердце отдам за тебя—
Пусть вечно минуют печали наполненный радостью дом.

Кто был на земле к тебе близок и к небу хвалы
не вознес,
Пусть будет испытан разлукой, пусть вспомнит о счастье
своем.

Как буква «алиф», благоденствуй, что пишется в слове
«аман»,
Взойди на ступень совершенства и сжался над бедным
рабом.

По цвету напомнила амбру та родинка около рта —
О ней в тростниках попугаи щебечут и ночью и днём.

В печальных глазах я хотел бы, как душу, тебя
сохранить.
Верни мне покой, и не стану я больше просить ни о чём.

Все люди полны благочестья, один недостойный —
Фуркат.
О, не покидай на распутье меня между злом и добром.

ТЮЛЬПАН

Как с лицом твоим смеет сравниться тюльпан
полевой?
Он ведь лишь пиала, вся в крови, меж степною
травой!

Тот, кто стан твой пленительный с деревом райским
сравнил, —
Кипарис уподобил в неведенье иве кривой.

До небес мои стоны дошли... Почему же, луна,
Ты не слышишь того, кто рыдает в разлуке с тобой?

«Без тебя я погибну!» — кричу я... Но взоры твои
И при жизни моей привлекает — о, горе! — другой.

Вспомни время, когда был я милостью счастлив твоей
И не думал, что близок разлуки удар грозовой.

Лишь ступила ты в сад — розы поняли: спорить нельзя.
Застыдились они и склонились к земле головой.

Не о стане ль твоём разговоры зашли в медресе?
В каждой комнате — споры и шум, голосов разнобой...

Пожалей, о красавица! Силы иссякли мои!
Вдалеке от тебя поражен я смертельной тоской!..

Истомился Фуркат... Руку мне протяни! Доведи
До минуты свиданья своей милосердной рукой!

В КАШМИР ПРИЕХАВ

В Кашмир приехав, я увидел ее, подобную луне.
Какие чары взор волшебный таит в бездонной глубине!

Днем золотит ей солнце кудри, но ты и на заре
сказал бы:
Всю ночь красавица купалась в иксире — в золотой
волне.

За ямочку на подбородке опять могли б Харут
с Марутом,
Покинув небо, согласиться во тьме колодца жить
на дне.

Когда бы меч сверкал подобно ее глазам, слегка
раскосым,
Его бы с молнией сравнил я, блеснувшей в бурной
вышине.

Над бровью точку я приметил, в ней тайна родника
сокрыта,
При чтении суры корана такую нун казалась мне.

Любой пленяется мгновенно ее красой
неотразимой,
К ее кудрям привязан юный, и старец полонен
вдвойне.

Я молвил: «Разве точку ставят близ губ?» Она в ответ
с улыбкой:
«Художник мира промахнулся, и это — по его вине».

Она сказала: «Бедный, бедный! Зачем ты родину
покинул?»

Я отвечал: «Судьба Фурката — в чужой томиться
стороне».

О ПЕРИЛИКАЯ

Она, открыв лицо, смутила небосклон.
Звездой ее красы весь мир был ослеплён.

А мне... Мне жизни нет без этих нежных уст.
Волной моей крови цветник мой орошён.

Кто сердце сбережет от стрел ее ресниц?
Никто!.. О, как мечусь, ее красой сражён.

Ей весело всю ночь с другими пировать,
А мой удел иной. Я от тоски хмелён.

Был ангел смерти здесь, в пристанище моём.
Ваглянул и, застыдясь, меня не тронул он.

Танбур в ее руке, она всю ночь поет,
А мне налев другой — больного сердца стон.

Страшна разлуки боль. Предела нету ей.
Лежит в пыли Фуркат, огнем любви сожжён.

ИЩУ ЛЕКАРСТВА ОТ СКОРБЕЙ

Ищу лекарства от скорбей, но не могу нигде найти.
Увы! Бесценный жизни цвет бесплодно может отцвести!

Как часто к шейхам я входил и ждал в смирении моем:
Быть может, кто-нибудь из них ко мне захочет снизойти!

Как часто я плутал во тьме и тщетно звал проводника,
Чтоб за руку меня он взял, прямые указал пути.

Как часто у святых в ногах лежал, припав лицом
к земле,
Пыль из-под ног их собирал и как бальзам сжимал
в горсти!

Аскета я молил в слезах, но палку поднимал аскет
И гнал меня из кельи прочь, с пути хотел меня смести!

Как часто я чужих людей за самых близких принимал,
И тайны сердца моего от них я не сумел спасти.

Теперь я думаю: «В степях я буду жить, среди зверей.
У современников моих, должно быть, верность не
в чести!»

Советчик, зря даешь совет! Кого избавишь от беды?
Кто любит, этим же путем пойдет, чтоб горе обрести.

Но есть ли в мире человек в таком отчаянье, как я,
Кто б никогда не находил успокоенья в бытии?!

Что делать, если сотни мук на части сердце рассекли
И друга я не отыскал, с кем душу можно отвести!

И я услышал: «Встань, Фуркат... Ты должен в долгий
путь идти!»

ТЫ РОЗЕ ЗАДАЛА ВОПРОС

Ты розе задала вопрос, о розоликая моя,
И смолкла роза пред тобой, затихла песня соловья.

Самшит на твой прелестный стан полюбоваться
захотел,
И зависть лютая в него вползла, как черная змея.

Увидев новую луну, готов я жертвовать душой —
На небе месяцы бровей в ночь новолунья вижу я.

Прислужник-ветер, не волнуй ее распушенных кудрей.
И так волнует сердце мне их благовонная струя.

Сурьюю подвела глаза и точкой-родинкой меня
Вконец сразила — в грудь мою вонзились страсти
лезвия.

Погиб Фуркат в сетях любви, но все же радуется он,
На встречу с милою своей надежду светлую тая.

О РОЗОЛИКАЯ!

О розоликая, ты слышишь? Рыдаю, точно соловей.
Рыдаю в белый час рассвета, рыдаю в сумраке ночей!

В твоих устах таилась тайна. Спросил я:
«Что скрываешь ты?»
Улыбкой ты раскрыла тайну. Ох, лучше б я не знал
о ней!..

На красоты твоей хирмане приманкой — родинки зерно.
Ах, как легко поймалось сердце в тугой силок твоих
кудрей!

В тот день пришла ты на свиданье. Ты уступила так
легко!
Теперь я брошен. Есть ли в мире тоска трудней, тоска
больней?!

Теперь другой в твоих объятьях. Ему улыбки даришь
ты!
Он был мне друг. Теперь он враг мой... Заклятый.
До скончанья дней.

Я стал посмешищем повсюду. Что о разумных
говорить?...
Безумные и те смеются над жалкою судьбой моей!

О розоликая, откликнись! Вернись к больному, исцели.
На скорбные глаза Фурката бальзам свидания пролей.

УШЛА..

О пери, жизнь мою в недуг ты превратила и ушла.
Разлукой сердце в кладезь мук ты превратила и ушла.

Нам, как посланница небес, ты стала видима на миг,
Нас в горлинок — тоски подруг — ты превратила
и ушла.

Мы горлинками стонем вслед, тоскуем о тебе в слезах.
Всех нас в рабов своих и слуг ты превратила и ушла.

Как роза, улыбнулась ты, представ нежданно предо
мною.

В бутон кровавый сердце вдруг ты превратила и ушла.

В путь отбыла ты, госпожа! Рыдает бедный раб Фуркат.
Любовь в разлуку из разлук ты превратила и ушла.

ИСПИВ ВИНА...

Едва пригубишь ты вина, заблещет, что кинжал,
твой взор.

Сто человек в единый миг сражает наповал
твой взор.

Пленительная чернота малютки-родинки твоей
На негров сделала набег, их войско взбунтовал
твой взор.

Всеи силы взора твоего и камню выдержать невмочь.
Подвижным сделал, точно ртуть, немую гладь зеркал
твой взор.

Увы! Пробита в мире брешь! Весь мир погублен!
Я страшусь,

Что скоро кровь прольет рекой, запенив красный вал,
твой взор!

Перед сурьюю глаз твоих все драгоценности — ничто!
Кто обесценил изумруд, унизил гордый лал?.. Твой взор!

Светила яркие слились в одном созвездии Стрельца —
И Марс, и светлую Луну, сияя, сочетал твой взор.

Когда не перенял он гнев Али, могучего царя,
Так почему же лук бровей на меч перековал твой взор?

Китайский мускус посрамлен благоуханьем кос твоих,
Газель хотанскую смутял и в степь назад прогнал
твой взор!

О, выпей на пиру вина!.. Чтоб на Фурката твоего,
Его томленье утюлив, хоть невзначай упал твой взор!

ТВОИ ГЛАЗА

Силу тайных чар явили, милая, твои глаза!
Колдовали не они ли, милая, твои глаза?

Устоять ли, если, вскинув луки черные бровей,
В сердце стрелы устремили, милая, твои глаза?

Если губ твоих рубины животворны для сердец,
Все равно ведут к могиле, милая, твои глаза!

Ты сурьмой пренебрегаешь, ведь достоинства ее
Сбратили в горстку пыли, милая, твои глаза!

Из причуд, из небреженья, всем разумникам на страх
Меч и копья сотворили, милая, твои глаза!

Как не быть в смятенье миру, если бури всякий раз
Пробуждают без усилий, милая, твои глаза!

Как мне посохом не делать тени легкие ресниц,
Если сил меня лишили, милая, твои глаза!

Кудри мускус устыдили, и хотанскую газель
Тотчас в бегство обратили, милая, твои глаза!

Буря в сердце у Фурката!.. Но в сияние звезды
Молний блеск преобразили, милая, твои глаза!

ТВОЙ ПОРТРЕТ

О, сколько он в сердца влюбленных внес разрушенья,
твой портрет!
Меня от одного лишь взгляда привел в смятенье твой
портрет.

Как устояли христиане, увидев эту красоту?
Меня навек лишил покоя, лишил терпенья твой
портрет.

Придумывая форму стана для кипарисов и для пальм,
Природа сквозь века видала их повторенье — твой
портрет.

Не мог китайский живописец изобразить твой тонкий
стан.
У многих русских вызывает благоговенье твой
портрет.

Ведь если в храм его поставить, к его подножью лег
бы крест.
К нему бы шли молиться. Создан для преклоненья
твой портрет.

Не удивительно, что мертвым твой образ возвращает
жизнь.
О, разве не Христа, не бога изображенье — твой
портрет?!

Луна глядит не наглядится, не отрывает солнце глаз —
Им тоже твой портрет, как чудо. Их наслажденье —
твой портрет.

Так что ж Фуркат?! Он только глянул, он только глянул,
и ему

Разрушил и разграбил сердце в одно мгновенье
твой портрет.

ВЗОР ТВОИХ ГЛАЗ

О, как неверны, как жестоки, мой гений злой,
твой глаза!
Без счета мусульман сгубили, став западней, твои глаза.

В цепях кудрей твоих томятся сердца поклонников
твоих.
Захочешь ты — и, убивая, разят стрелой твои глаза.

О, как мы мечемся, не зная, что нужно делать нам,
когда
«Уйди!» твои прикажут брови, прикажут «Стой!»
твои глаза.

Зачем коришь меня, кокетка, что пьян, что мой неверен
шаг?
Вина не цял я! Виноваты, что я хмельной, твои глаза.

Рукой красы твоей разрушен отшельнический мой
шалаш.
Кто сделал так, что я утратил почет былой?..
Твои глаза!

При виде щек твоих атласных поблек душистой
розы цвет,
Навек нарцисса покорили своей красой твои глаза.

Газель тоскует днем и ночью. Что причинило горе ей?
Заставили ее скитаться в глуши степной твои глаза.

Вернись! Пускай опять увижу твой стан, бутоны губ
твоих.

Пусть до конца сожгут Фурката, властитель мой,
твои глаза!

ПРОЛИВАЮТ КРОВЬ РЕКОЮ

Проливают кровь рекою палачи-глаза твои.
Жизнь уста твои даруют, жгут лучи-глаза твои.

Если мученику-сердцу облегченье взор сулит,
То газель ввергают в трепет, как бичи, глаза твои.

Мечешь ты в сердца влюбленных стрелы острые
ресниц,
Крепость царства сокрушили, как мечи, глаза твои.

«Взглядом я казню», — сказала... Ой, расскаешься!
Смотри,
Чтоб потом не проливали слез в ночи глаза твои!

Не сурьми глаза — о пери! — чтобы мир не потопить,
Ибо вызовут мгновенно слез ручьи глаза твои.

Болен был Фуркат в разлуке... Ныне — слава
небесам! —
Исцеленье даровали мне врачи-глаза твои.

ЛУНОЛИКАЯ

Ты, о пери, равнодушьем насмерть поразила нас,
Хоть уста твои — рубины жизнь вернуть могли б тотчас.

В ночь разлуки не внимала ты стенаниям моим —
Неужель в надменном сердце луч сочувствия погас?!

Мне ль не таять, словно свечка? Мне ль не плакать,
Меж соперников пируешь, не сомкнув до света ^{если ты} глаз?

Боль в груди моей теснится, облегчить ее нельзя,
Ведь со мною не желаешь ты остаться ни на час.

Стан самшита изогнулся, обломился кипарис,
Ибо только ты явилась, зависть тотчас в них впилась.

Встречей счастливы другие, я ж в разлуке изнемог.
Где твой ясный разум, пери?.. Светлый мудрости алмаз?

Ты — недобрая подруга! «Из-за чьей красоты Фуркат
Впал в любовное безумье?»—ты спросила бы хоть раз!

ТА, ЧТО СЕРДЦУ ТАК БЛИЗКА

И з-за горестной разлуки с той, что сердцу так близка,
Льется вечером и утром горьких слез моих река.

По ночам грущу о черной круглой родинке твоей,
Что мне делать, если горек этот шарик терьяка!

Жизнь отдам за горстку пыли из-под ног того гонца,
Кто письмо мое доставит ей, что нынче далека.

При последнем вздохе тело, отлетит вот-вот душа...
Долго ль длиться дням разлуки, столь похожим на века?

Пусть не думают, что в чаше — розоцветное вино, —
Кровь глотаю, вспомнив губы — два рубиновых цветка.

Отбыла моя царица, я смотрел украдкой вслед,
Как покой мой уводила за собой ее рука...

Соловьем Фуркат рыдает, стонет горлинкой о той,
Что стройнее кипариса, тоньше розы стебелька.

ТВОЙ СТАН, КАК ПАЛЬМА

Твой стан, как пальма и как роза. Их цвет, их листья —
шалль твоя.
Так пусть укроет их от смерча небесный праведный
судья.

Прости. Сравнив тебя и розу, я был неправ, о мой
кумир!
Чья красота с твоей сравнится? Хоть обойди весь
мир — ничья!

Что там? На пиршестве разбилась амфора с пурпурным
вином?
Нет. Это на твоей одежде забагровела кровь моя.

О милая! Когда ты мчишься на взвихренном своем коне,
Следы подков его целую, любви смиренной не тая.

Дом сердца моего разрушен. Но ты приди — целы
глаза.
Они, влюбленные, пригодны для твоего, мой шах,
жилья.

Знай, пери: все мои стремленья, все мысли отданы тебе.
Твоим врагам я враг навеки, твои друзья — мои друзья.

Но ты любовь мою отвергла. Другой увлек тебя, другой!
Ну что ж, Фуркат?! Исчезни, скройся в унылый мрак
небытия!

Я ТВОИ

Я твой, какую б ни была ты, добра ли, зла ли — все
равно!
Я твой. Приди. Взгляни мне в сердце. Ох, как унижено
оно!

Я умолял о поцелуе. Замкнула ты свои уста.
Молчишь. Нейдешь... О боже, сколько мне ждать ответа
суждено?!

Приди! Ведь я прошу немного: миг счастья, слышишь,
только миг!
За то, что я всю жизнь в разлуке мученье видел лишь
одно.

Главой любви Меджнун печальный был в книге жизни
для Лейли.
В твоей, возлюбленная, книге мне быть главой любви
дано.

Приди, дай счастье поцелуя. Рубины нежных уст
открой.
Влей в опечаленное сердце любви живительной вино.

О, до каких же пор Фурката презреньем будешь ты
казнить?
Я гибну. Оживи мне сердце. Оно тобою сожжено.

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК НОВОЛУНЬЯ

Светлый праздник новолунья — лучший день у всех
людей.

Мой же праздник — лицезренье дивной красоты твоей.

Тех, кто видел новый месяц, ждут, чтоб праздник
начинать,—

О, яви передо мною месяцы твоих бровей!

Лишь узнал я о свиданье, побежала слез река —
Так бежит с веселой вестью шумная толпа детей.

Если хочешь ты, чтоб праздник был счастливым для
меня,—

Не растягивай разлуки, встречи день назначь скорей!

Праздник кончится для многих. Но для жадных глаз
моих,

Чуть они тебя завидят, будни — праздника светлей.

Не рождало время чада, равного тебе красотой,
Не найдешь в наш век ребенка рассудительней,
умней.

Праздник — легкий день... Но если ты меня
не посетишь,

Станет праздник для Фурката самым тягостным из дней.

Не будь жестокой, вспомни клятву, что мне была тобой
дана.

Ведь ты в любви клялась Фуркату. Клялась и бросила,
ушла.

О, как я счастлив был с тобою, как ты в те дни была
нежна!

В САДУ ИЗЯЩНОСТИ

В саду изящности твой облик, как розы трепетной
цветок.

Я, соловей, в тебя влюбленный, слезами горькими
истёк.

О, сжался! К берегу свиданья скорее приведи меня,
Чтоб не увлек меня в пучину разлуки горестный поток.

Войдя в мечеть, искал я арку — твою изогнутую
бровь.

Но не найдя ее в мечети, молиться богу я не смог.

К твоим устам влекусь мечтою. Друзья пьянеют от
вина,

А я глотаю кровь, и горек, и сладок каждый мой
глоток.

Недаром говорят в народе: «Больного встретить —
заболеть».

В твоих глазах печаль увидев, и я печалью занемог.

Любовь ни в чем границ не знает. Не упрекай меня,
что я

Повесив локон твой на шею, приличьем дерзко
пренебрёг.

Глубоко в сердце скрыты раны от беспощадных стрел
любви,

Но льется гной из глаз Фурката на желтизну поблекших
щёк.

ОГОНЬ ЛЮБВИ

Когда объял огонь любви бессильного меня —
Разлука стала сердце жечь безжалостней огня.

Твой алифоподобный стан вписал я в глубь души,
Я в книге сердца глубоко ношу его, храня.

Стрелю взгляда твоего не сердце пронзено —
Пробита острою стрелой души моей броня.

Как только ты вступила в сад, смутились куши роз,
Пред пышною твоей красой цветы свои склоня.

Не стал искать воды живой сам Хызр-пророк с тех пор,
Как увидал твои уста, твой лик светлее дня.

Любви наставник лишь тебе свидетельство вручил
С знанье самых тонких слов, твой редкий дар ценя.

Молю! Когда резвится конь кокетства твоего,
Позволь Фуркату пыль собирать из-под копыт коня!

ЛИШЬ ВСПОМНЮ

Лишь вспомню пушок благовонный, которым пленён,
Так вспомню тотчас и газель из хотанских сторон.

Я сердце и душу оставил в обители той,
Где был твоим розовым ликом мой взор восхищён.

Напиток приязни твоей разливая, судьба
Мне чашу пустую вручила — я был обделён.

Едва ты вошла, вслед за горлинкой смолк соловей.
В смятении роза дрожит, кипарис посрамлён...

Твой ротик, о пери, настолько пленительно мал,
Что спорят премудрые — впрямь существует ли он?

С тех пор, как узрел полумесяцы этих бровей,
Я сам полумесяцем стал, я судьбою согбён.

Как только услышишь от вестника имя «Фуркат»,
Явись, умоляю!.. Ты слышишь предсмертный мой стои!

ОСЫПАН САХАРОМ ЧЕРТОГ

Ты чуть пошевелишь устами — осыпан сахаром
чертог.
Чуть улыбнешься — сразу льется жемчужин искристый
поток.

Как ты прекрасна! Слепнут очи от блеска красоты
твоей.
Не я один пленен тобою. Ты ослепила весь Восток.

Походкой царственной неспешно ты входишь в сад —
и все цветы,
Став чистым золотом, стремятся лечь у твоих, богиня,
ног.

Ты обещала мне свиданье. Тебя все нет. Приди скорей.
От муки сердце разорвалось. Последний час мой
недалёк.

Приди, не бойся. Я не смею твой стан объятьем
осквернить.
Ведь даже пояс твой, распавшись, объять твой нежный
стан не смог.

О горе! Не увижу снова твое прекрасное лицо.
От слез глаза мои ослепли. Как зол мой жребий, как
жесток!

Написанное кровью сердца послал я с голубем письмо,
Но, вспыхнув, сжёг в полете крылья жар накаленных
мукой строк.

Но что тебе! Ты пьешь с другими. И так зарделась от
вина,
Как будто лепестками розы осыпан лилии цветок.

Нет для меня отрады в мире. Есть только горе. Плачь,
Фуркат!
В харчевне вечности пируя, разбил амфору счастья рок!

ДУША НОЧАМИ ПЛАЧЕТ

Лишь по тебе — о жизнь моя! — душа ночами плачет,
Тюльпан горит, как кровь, и лань, идя степями,
плачет.

Не звезды сыплются с небес обильно, словно слезы,—
Меня жалеет звездный свод, кружась над нами,
плачет.

Нет, не весенние дожди с собой приносит туча —
Над каменной судьбой моей она слезами плачет.

Тоскою по твоим глазам повергнут я в смятенье;
Моим пыланьем зажжена, свеча ночами плачет.

Желтей, чем воск, лицо мое... Гонец принес мне вести,
Что ж медлит он, зачем, глаза закрыв руками, плачет?

Я написал ответ, и кровь мне захлестнула сердце;
Душа моя в тоске горит и над словами плачет.

Фуркат увидел не зарю, а след слезы кровавой:
Тоскует небо по тебе и над холмами плачет.

В ЛУГАХ

Если все в лугах вдыхают свежую прохладу рос,
Я на улице подруги слышу запах райских роз.

Что искать мне запах розы, если каждый миг, друзья,
Ветерок ко мне доносит запах кожи, запах кос?..

Чуть она лицо откроет — воцарится аромат,
Точно мир травой душистой или розами порос.

Если ж ветер стубит розы, то услышит соловей
Из разрушенного сада запах горя, запах гроз.

Так истерзан я страданьем, что вокруг земля в крови,
Всюду слышен запах крови и соленый запах слёз!

Если б весть о луноликой в ночь разлуки донеслась!
Если б свежий запах жизни ветер мертвому донёс!

Кровь Фуркат глотает в горе — ведь на свете для него
Больше нет ни аромата, ни улыбки Розы роз!

ТЫ НАДЕЛА ПЛАТЬЕ ИЗ РОЗ

В красной кофточке, в розовых тканях — о розах
цвета! —

Ты вошла, и наряда меня обожгла красота.

Вот желанье мое, если спросишь при встрече о нем:
«Да коснется волос моих милой царицы пята!»

Смею ль я пред владычицей стать и в лицо ей
взглянуть?

Лишь рабам твоим правду со временем скажут уста.

В ожиданье тебя стал незрячим мой взор... Появись!
От следов твоих ног исцелится моя слепота.

Пусть пребудет твой образ в душе, в тайнике
тайников —

Без него и душа, и судьба моя станет пуста.

Ты сгорел—о Фуркат!—на огне у проказницы злой,
И рассеяла прах твой по ветру проказница та.

ГДЕ НАЙТИ, КАК ТЫ, ШАЛУНЬЮ?

Где найти, как ты, шалунью, чьи глаза беду сулят,
Где волшебница, что может искушать сердца подряд?

Нет нигде в саду бутона, чтоб со ртом твоим был схож.
Где нарциссы, что напомнят твой неотразимый взгляд?

Волосам твоим подобный где найдется базилик?
Что цветник перед тобою, луга нежный аромат?

Мир мне тесен, мир мне темен, я тоскую по устам
И по стану чаровницы, свету без нее не рад.

Ты клялась: «Я верной буду даже мертвому тебе»,
Но, увы, я жив, а в сердце ты влила измены яд!

О, когда же вновь ко мне ты гостьей в хижину
войдешь
И расспросишь о страданиях, что меня давно
томят?

Жизнь мою во мрак повергла чернота твоих волос.
Кто еще в таком смятенье, как блуждающий Фуркат?

МЕНЯ НЕ ЖАЛЕЕТ ОНА

Ах, нет у возлюбленной сердца, меня не жалеет она.
Душа, не знакомая с горем, от горя погибнуть должна.

Она обо мне не справлялась, когда возвратилась домой,
И в келье, в углу, до рассвета я плачу ночами без сна.

Душой овладевшие страсти в смятенье меня привели,
Когда она, кудри рассыпав, прошла предо мной, как
луна.

Одежда ее из жасмина и волосы, как гиацинт;
Лицом, словно роза, прекрасна, а станом, как тополь,
стройна.

Она не заметит утраты, когда я умру от любви;
Хакан-поведитель небрежный, она мной владеет одна.

Глаза ее — два нечестивца, они мой покой унесли,
Терпенье свое, мусульмане, в душе исчерпал я до дна.

Не лучше ль, чем мучать гоненьем, казнить перед
домом своим?
Умру у порога любимой — такая мне смерть суждена.

Когда бы в огромном Ташкенте был друг у меня хоть
один,
То, верно, он понял бы сразу, какая мне помощь нужна.

Фуркат с луноликой в разлуке рыдает всю ночь до зари,
И длятся печальные стоны от утренних зорь дотемна.

АЙЛАНАЯ

Влюбленному горе жестокое ты принесла, айланай.
Иль грамота есть у тебя на такие дела, айланай?

Все тайное явным становится, скрыть вероломство
нельзя,
Обычай верности ты сохранить не смогла, айланай.

Лейли бы теперь поучиться кокетству могла у тебя,
Любовь моя даже б Меджуну примером была,
айланай.

Но, родинок зерна рассыпав и кудри закинув, как
сеть,
Ты сердце поймала, как птицу, и в руки взяла,
айланай.

И, словно палач, ополченный кинжалом и острым
мечом,
Глаза твои казнь мне пророчат, сжигают дотла,
айланай.

Достался тебе, моя пери, божественный дар красоты.
Не нужно румян совершенству, не нужно и зла,
айланай.

Со станом твоим не сравнится самшит, кипарис и лоза,
Меж листьями спряталась роза, когда ты пришла,
айланай.

И я, отлученный от пира, как муха, кружусь у дверей,
Стенанья мои безутешны и нет им числа, айланай.

Всю жизнь о тебе вспоминая, рыдает в разлуке
Молю, чтоб свиданье с тобою судьба принесла,
Фуркат,
айланай.

ЕСЛИ ЛИК СВОЯ ОТКРОЕШЬ

Если в вешнем саду ты откроешь свой лик,
госпожа,—
Розы клонятся, падает ниц базилик, госпожа!

Милость нам окажи, посети своих верных рабов —
Ты ли в царстве красы не владыка владык, госпожа?

Коль меня осчастливишь свиданьем, беда ль велика?
Ведь разлуки недуг в мое сердце проник, госпожа!

Два индуса — глаза твои... Станут мечами играть —
Самый стойкий погиб, бездыханным поник...
госпожа!

Если ночью ко мне ты пойдёшь, покрывало подняв,
Лунный диск не померкнет ли в этот же миг, госпожа?

Ветерок, что твои завитки растрепал поутру,
Разметал в лепестки мой печальный цветник,
госпожа!

По твоим поцелуям тоскуя, все сердце — в крови,
А глаза проливают соленый родник, госпожа!

Из-под ног твоих пыль не увидел мой жаждущий взор,
Сокровенных желаний Фуркат не достиг, госпожа!

СТОКРАТ МИЛЕЙ

Прекрасен рая пышный сад, твой юный сад —
милей.
У райских гурий светел взгляд, твой светлый взгляд —
милей.

Смутилась лилия в саду, увидев стройный стан.
Павлина праздничен наряд, но твой наряд —
милей.

Обид моих не перечеть, но мне милы они:
Твоя жестокость — хороша, а гнев—стократ милей.

Походка, качества, черты — все дорого в тебе.
Твои поступки — хороши, привычек ряд — милей.

Подобно яблоку — лицо, миндалины — глаза.
Гранат — прекрасный, сладкий плод, но щек гранат —
милей.

Покой навек утратил тот, кто видел это раз.
Во всей вселенной нет кудрей тебе, Фуркат, милей.

ИЗЯЩНА

Считают тонким кипарис, жасмину ль тонкость не дана?

Но по сравнению с тобой лишь ткань из роз тонка одна.

Иосиф ли прекрасен был? Нет, ты прекрасней во сто крат!

И тонкой прелестью души щедрее ты одарена.

Врашалось небо много раз, но не случалось никогда,
Чтоб столь тончайшая краса была под небом рождена.

В беседе ласковой твоей отраду черпают, покой —
Уста и голос твой нежны, а речь тонка, просветлена...

Пусть непокорен меч бровей, пусть он разит...

Но почему

Глаза осмелилась прикрыть тончайших век голубизна?

Когда—о райский соловей!—ты залетаешь в сад земной,
Любая птица пред тобой, как галка черная — дурна.

Фуркат — твой раб... Но говорить о тяжелых муках
ни к чему,

Для мыслей тягостных таких ты чересчур тонка, нежна...

РОЗА

Пред розами шек отступила в смятении роза,
И нынче цветет лишь порою весеннюю роза.

Уста и чело твои — розы. И тело — как роза...
Любой из цветов в этом дивном цветении — роза.

Средь прочих цветов нет нежнее и радостней розы.
Но все ж уступает, с тобою в сравнении, роза!

Погибла она, посрамленная, прошлой весною.
А нынче опять расцвела без стеснения роза!

Садовник, связав ее, влек по базарам, как вора:
Она расплатилась за все преступления, роза!

Не диво, что в тягость одежды тебе, розоликой,—
Свои лепестки чуть влачит в утомлении роза.

Тобою одною любуются все, хоть в досаде
Пустилась, как видишь, на все ухищрения роза.

Что роза Фуркату, когда он любимой не видит?
Ведь шип розоликой тебя драгоценнее, роза!

ПОСЛАНИЕ СОЛОВЬЮ

Буто́н, как бубенчик, повесил на грудь соловей.
К иным цветникам собираешься в путь, соловей?

Облекся ты в синее, может, брамином ты стал?
Гирлянду из роз повязать не забудь, соловей.

Вся прелесть весны — это краски, кипенье, расцвет,
А в листья увядшие жизнь не вдохнуть, соловей.

Влюбленный лишь тот, кто от жизни отречься сумел.
Нет, бабочкой мошка не может вспорхнуть, соловей.

Болтал о любви, а приличных манер ты не знал:
На розу, невежа, ты сел отдохнуть, соловей.

Цветник ты покинул, неверный, и в сети попал,
Любви и свободы тебе не вернуть, соловей.

Теперь у Фурката любовным стихам поучись
И прежние песни свои позабудь, соловей.

СОЛОВЕЙ

Соловей твердит повсюду о влюбленности своей,
От любви к душистой розе часто стонет соловей.

Слушай, соловей, но разве доказательство любви —
Сесть на розы куст и сбросить лепестки ее в ручей?

Что в любви ты понимаешь? Роза привлекла тебя?
Знаю. Но ведь ты по сути только внешность ценишь
в ней.

Да и ценишь-то не очень. Скажем, если хлынет дождь,
Ты, тотчас покинув розу, улетаешь поскорей.

А хоть раз сказал ты розе: «Дорогая, не кичись.
Вспомни о красе тюльпанов, что растут среди полей!»

Нет, такого ты не скажешь. Где ж тебе, невежде, знать,
Что не только роза может быть отрадой для очей.

И какой же ты влюбленный... Сад в усадьбу превратил,
Обзавелся соловьиной, свил гнездо, растишь детей.

Слушай, улетай отсюда. Видишь — тучи собрались.
Ох, польет сейчас! Ты сроду не видал таких дождей.

Улетай, поверь Фуркату. Ты теперь не нужен здесь.
Время хочет новой песни. Человеческой. Моей.

В КОМ ИСКАТЬ СОСТРАДАНИЯ

В ком искать сострадания, коль горе излить я хочу?
В ком участия искать, коль печаль утолить я хочу?

Мне наскучила дикость людская, дичусь я людей,
С диким зверем в горах свою участь делить я хочу.

Пусть горит, как свеча на могиле, мой огненный вздох,
Сердце ищет покоя — о людях забыть я хочу.

Даже степь или сад не излечат от скорби меня —
Среди роз и тюльпанов с подругой бродить я хочу.

Вспоминаю, покинув страну, что подруги там нет,
Если снова на путь возвращенья вступить я хочу.

Не сидится на месте, скитальцем безумным я стал
И тоску по кудрям несравненной избыть я хочу.

Слушать тягостно людям стенанья мои по ночам,
Крик теснит мою грудь, коль молчанье продлить я хочу.

Вспыхнет сердце Фурката, как кровью налитый тюльпан,
Если слезы весенним потоком пролить захочу.

В РАЗЛУКЕ С ТОБОЙ

Хорошо ли меч разлуки в грудь вонзать по рукоять
И моей душе страданья непрерывно причинять?

Ты не ведала, о пери, сожаления в любви,
Хоть глаза мои устали кровь и слезы источать.

В пытках тягостной разлуки ослабел я, изнемог,
Так что силы не осталась даже стоны исторгать.

Проливать рекою слезы — мой единственный удел.
Диво ль, если сад засохший превращу в цветник опять?

Если хоть язык единый огненной моей любви
Опалит собою горы, и горам не устоять!

Иль моим поверишь чувствам лишь тогда, когда судья
Подтвердит их на бумаге и приложит к ней печать?

Путь глаза ослепнут, если на другую брошу взор,
Если вздумаю другую нежным именем назвать!

Путь дотла сожгут мне сердце, пусть отрежут мне язык,
Если станет он другою пылкой песней восхвалять!

Путь душа уйдет из тела, пусть я шагу не ступлю,
Если от порога милой отойду хотя на пядь!

Я хочу благоговейно, чуть меня покинет сон,
Как священную молитву, имя пери повторять.

О, когда настанет время, чтоб, как талисман, на грудь
Спрятал я волос душистых нежно вьющуюся прядь!

Ах, в пустыне злой разлуки сохнут губы... Но увы! —
Ты не хочешь этой жажды влагой встречи утолить!

ВЛАДЫЧИЦА МОЯ

Я не могу сдержатъ свои стenanья перед тобой,
владычица моя!
О, не дивись! Я совладать не в силах с моей душой.
владычица моя.

Сон счастья, сон тяжелый и печальный, я не могу
очнуться от него.
Кровь захлестнула сердце, стало горе моей судьбой.
владычица моя.

Унынье мне охватывает душу, как облекают розу
лепестки.
Взгляни на сердце! О, куда я денусь с такой бедой,
владычица моя!

Есть у меня так много слов в запасе, но я, увы! перед
тобою нем.
Тебя не потревожу, умирая, моей мольбой, владычица
моя!

Я преступил терпения пределы, но власть твоя безмерно
велика!
Как я могу уйти? Кто возвратит мне души покой,
владычица моя!

Печаль мне гложет сердце, до рассвета в огне тоски
мечусь на ложе сна.

Твой бедный раб, я безутешно плачу во тьме ночной,
владычица моя!

О, пощади! Израненное сердце тебе на милость
отдает Фуркат.

Не свыкнусь я с разлукой... Жду свиданья с тобой одной,
владычица моя!

Я С РОЗОЙ МИЛОЙ РАЗЛУЧЕН

Я горлиной печальной стал, я с розой милой
разлучён.
С той, что стройней, чем кипарис, я злою силой
разлучён.
Как будто в клетку я попал, мне в пору кровью
зарыдать —
Я с той, чье платье кущи роз собой затмило,
разлучён.
Пушок ее, как базилик, уста — бутон... Увы! Я с ней,
Что из жасминных лепестков одежды сшила, разлучён.
Безумен я в тоске по ней. Из-за нее — на шее цепь.
Я с той, что нравом, как Лейли, с той легкокрылой
разлучён.
Во тьме разлуки плачу я и не стыжусь горячих слёз —
Я с той, чья прелесть на пиру звездой светила,
разлучён.
В грудь черным камнем бить себя — все мало!.. Я с
рубином уст,
С рядами ровных жемчугов суди бой пестылой
разлучён.
Желтее золота лицом я стану... Диво ли?.. Ведь я
Со сребролицкой, что со мной всегда шутила,
разлучён.

Я горечь вынужден терпеть... Я с той, что медом
сладких слов
Жизнь безысходную мою мне б усладила —
разлучён.

Пояikli крылья у меня, жилищем клетка стала мне —
С родной страной из-за любви Фуркат унылый
разлучён.

ТОСКУЮ

Я с наездницей искусной разлучен судьбою злой,
Ты не слышишь, сердце, стонов. Как истерзан я тоской!

Не осталось даже пыли от меня в краю любви,
И не стать ей для Меджуна животворной тутией.

Плачу я, усталый, желтый. Слезы алы, точно кровь.
Не расцвел я или вяну — угадать нельзя порой.

А когда от мук любовных оборвется жизнь моя,
Холмик мой не камышами, зарастет любви травой.

О Фуркат, как пес заблудший, я не знаю, где мой путь,
О возлюбленной жду вести, о своей земле родной.

Я СТРАДАЮ

О душа! Оттого, что ты в небо взнеслась, я страдаю.
Оттого, что ты солнцем слепящим зажглась, я страдаю.

Оттого, что ты бросила в мир сто тревог и смятений,
А потом равнодушно от нас отреклась, я страдаю.

Прочитал я на лице твоём письма вероломства,
Оттого, что открыл их жестокую связь, я страдаю.

В час, когда я один, как свеча полуночная, плачу,
Ты пируешь с другими, беспечно смеясь, — я страдаю.

О владычица, к стонам моим не склонявшая слуха,
Пренебрегнут тобой, от тебя не таясь, я страдаю.

Пожелтело лицо мое, слезы кровавые льются,
По тебе, сребротелая пери, томясь, я страдаю.

Тот, кто низок душой, близ тебя восседает в хараме,
А Фуркат удален... Где же мудрость? — дивясь,
я страдаю.

СНИЗОЙДИ КО МНЕ

Снизойди ко мне, о радость! Посети мой уголок,
И да будет он украшен легкой пылью милых ног.

О Ширин, Лейли, скажи мне: быть в пустыне, как
Меджнун,
Как Фархад, в горах томиться мне еще не вышел срок?

О, пройдишь, чтоб стало стыдно куропатке!.. Улыбнись,
Чтоб бутон весенней розы от досады занемог!

Сбрось, о пери, покрывало, чтоб завистливый тюльпан
Гуще пятнами покрылся от сиянья нежных щёк.

Если сердце днем и ночью бредит кольцами кудрей,
Не в цепях ли их душистых исцеления залог?

Пусть самшит с тобой не спорит!.. Срубят голову ему,
Превратят все тело в гребни, чтоб кичиться впредь
не смог!

О, приди ко мне, подруга! Чтоб с тобой Фуркат весной
Посидел в тени деревьев, там, где плещется поток...

ВЗГЛЯД ЕЕ ОЧЕЙ

Взгляд больших ее глаз острее в мое сердце вонзил,
Но живительный звук ее речи меня воскресил.

Увидал бы Ризван, райский страж, ее стан и лицо —
Он бы дерево рая и райские куши забыл!

Из-за этого стана и рта, что пленительно мал,
Я покой потерял, мир огромный мне больше не мил!

Равнодушьем надменной красавицы был я сражен,
Хоть за встречу одну я души своей не пощадил!

Если снимет она из семи покрывал хоть одно —
Станет больше звездой одной в хороводе светил!

Даже стройный самшит свою стройность утратил тотчас,
Только с нею себя неуместно и дерзко сравнил!

Пусть красавиц небесных весь век восхваляет аскет. —
Совершенству земному я верность навек сохранил.

Из-за родинки черной изведаль я черные дни,
Из-за персика щек стал я нынче и бледен и хил.

Увидав ее раз, от любви обезумел Фуркат,
И, теряя ее, сотни раз он тоской исходил.

ЕСЛИ ТА, ЧЕЙ ЛИК, КАК СОЛНЦЕ..

Если та, чей лик, как солнце, ослепляя всех подряд,
Выйдет из дому, за нею люди все в слезах спешат.

Как при светопреставленьи, мечется влюбленных рой,
Если у лицу лучами очи-звезды озарят.

Мускус не благоухает, робко прячется газель,
Если ветерок доносит кос прохладных аромат.

Сотни смертных в прах повергнет, сотни смертных
вспокресит,
Лишь целительное слово розы уст прошелестят.

Я брожу горами бедствий, странствую в степях тоски,
Навсегда отдав ей сердце, как Меджнун или Фархад.

Если снимет покрывало, то в лучах ее лица
Воссияет мир, и ярче очи неба заблестят.

От бровей ее капризных, из-за мрака черных кос
Стан мой, точно свод, изогнут, мраком грусти я объят.

К посторонним — благосклонна, любящего не щадит.
От ее причуд жестоких умираю я стократ.

Проливает слез потоки и лицом шафранно-желт
Тот, кто от луноподобной отвести не в силах взгляд.

Если мы глядим на солнце — слезы катятся из глаз.
На лучистый лик любимой не дерзай смотреть, Фуркат!

КОЛДОВСТВУ ТЫ НАУЧИЛАСЬ У СВОИХ БРОВЕЙ

Колдовству ты научилась, пери, у свих бровей,
Что ж не стал тебе примером стан твой в прямоте своей?

По ночам, когда с другими ты пируешь до утра,
Я, припав к холодным плитам, плачу у твоих дверей.

Если б твсегда сиянья не брала свеча луны,
В фонаре ночного неба не светить бы вовсе ей!

Осторожнее, о пери, прерывай свой сладкий сон,
Чтобы мира не разрушил колдовской огонь очей.

Унесли покой сердечный и терпение души
Очи, что газель смутили и погнали в глубь степей.

Не пришлось вселенной оку видеть равную тебе,
Хоть оно в зеркало мира взор вперяло столько дней!

Розы шек Фуркату снятся, снится стан твой — кипарис,
И, как горлинка, он стонет, плачет он, как соловей.

ОНА НАРУШИЛА ОБЕТ

Ты ль убийцею сделала взор, что вином разогрет,
И страну обрекла на сожженье и тысячи бед?

Ты ль, явив жемчуга меж рубиновых уст, загнала
Жемчуг в раковину, где он скрылся на множество лет?

Переливы ль кораллов, иль жемчуг улыбки твоей
Изменяет причудливо губ твоих розовый цвет?

И не пота ли зерна заставили розу в саду
Спрятать капли росы, торопливо стирая их след?

То пушок твоей кожи иль чудо воскресшей души,
Или Хызра вода, что земле посылает расцвет?

Лук ли — брови твои, а ресницы твои не стрела ль?..
Но сражать без оружия ты тоже познала секрет.

И не ты ли сравняла с землей кипарисы в саду
Пальмой стройною стана, которому равного нет?

И не ты ль, что ни час, нарушаешь обеты свои?
И не я ли, Фуркат, неизменно храню свой обет?

ОНА ВОШЛА В ЦВЕТНИК

Когда она в цветник весенний выходит погулять
чуть-чуть,
Ее наперсницы жасмином пред нею устилают путь.

От зависти поблекла роза, увидев цвет ее ланит.
Самшит пристыженный склонился, не смея на нее
взглянуть.

О боже, кто сказал, что роза ей может украшеньем
стать?!
Цветок с колючими шипами к ее лицу нейдет ничуть.

Луна ли это показалась в накидке облачной своей?
Глаза девичьи или звезды решили на небе блеснуть?

Что это? Светлый луч пробился сквозь перистые облака
Иль это распахнулся ворот и белая сверкнула грудь?

Даст мне сгореть в огне разлуки иль пошадит меня она?
Известья о желанной встрече дождусь ли я когда-
нибудь?

О други, час мой смертный близок. Прошу вас,
заклинаю вас,
Из белых роз сотките саван, чтоб труп Фурката
завернуть.

ХОТЬ ГОЛОВУ СЕБЕ РАЗБЕЙ

Как ни томись, как ни метайся, хоть голову себе
разбей, —
Не взглянешь ты. Другим ты светишь свечю
прелести своей.

Подобно меду и нектару струится речь из губ твоих.
О ты, в чертоге красноречья сладкоречивый соловей!

Изящной нежностью наряда ты всех соперницы превзошла.
Казалась грубой даже роза, когда тебя сравнили с ней.

Позволь мне стать твоею жертвой. Что мне глядеть на
серебро!
Твое, о чаровница, тело любого серебра белей.

Да, ты изящна и красива. И речь твоя сладка, как мед.
Но боже правый! Нет на свете души коварней,
сердца злей!

Я так любил тебя, так верил. Я все твердил:
«Она придет!»
А ты не сделала и шагу к порогу хижины моей.

Постой, Фуркат! А что, коль пери не зря так зло
казнит тебя?
Припомни. Может, в час недобрый ты сам нанес
обиду ей?

СОЛОВЕЙ СЛАДКОГЛАСНЫЙ

Соловей сладкогласный, поющий в саду красоты!
Сколь ни славен Платон, прозорливей, красавица, ты.

Ни восточное солнце, ни месяц твой лик не затмят:
Ты светлее, чем утро, в сиянье своей чистоты.

Письмена на лице твоём нежном надежд не сулят,
В каждой строчке «О горе!» твои начертали персты.

Красотою блистая, к порогу приди моему,
И следов твоих прах исцелит меня от суеты.

Ветерок аромат твоих кос до меня донесет,
Гиацинтом и амброй повергнет в смятенье мечты.

Я подумал, увидев, как мчится с известьем гонец,
Не царицы ли Савской удод к нам слетел с высоты?

В темной хижине скорби давно пребывает Фуркат,
И слезами печали обители глаз налиты.

НЕТ НИГДЕ КРАСАВИЦ ВЕРНЫХ

Нет нигде красавиц верных в наши времена.
И моя других не лучше. Также неверна.

И друзья иными стали: бросили меня.
Не больна им боль чужая, преданность смешна.

Меч коварства их и злобы разрубил мне грудь.
Чашу скорби одинокой выпил я до дна.

Нежностью кудрей красавиц увлеклась душа —
И теперь пучиной бедствий жизнь поглощена.

Нет, подальше от красавиц! Тех, кто верен им,
Ожидает только мука, только боль одна.

От тоски по этой пери, стройной, как алиф,
У меня, подобно далу, сгорбилась спина.

Смоляных бровей жеманством, томностью очей
Много душ на этом свете обожгла она.

А сама судьбой хранима. Мир ее души
Даже и пылинка горя тронуть не вольна.

Сжег меня огонь разлуки. Пеплом стал Фуркат.
Смерть его была печальна, жизнь была мрачна.

ИДУ В ЕЕ СЕЛЕНЬЕ СНОВА

Иду в ее селенье снова, глазами черными влеком.
Волшебника, какого хочешь, единым увлечет кивком.

Ее лицо наполовину кудрями черными закрыто —
Так месяц ушербленный тоньше, когда темнее
ночь кругом.

Покинет сон того, кто видел, как нежен стан ее
и губы.
Кто лжет, что сказки усыпляют? Она вас убедит
в другом!

Слезам из очей исходят осколки раненого сердца —
Так лепестки тюльпана гонит ручей в безмолвии
лесном.

Не грешен друг, когда смеется, увидев, как я желт
и бледен, —
Всегда смеешься, если выпьешь фнал с шафрановым
вином.

Тому помочь не в силах лекарь, чья голова больна
любовью.
Не пей сандал — одно лишь средство: в ее колени
пасть лицом!

Иша красы подобной меру, с луною прелесть
луноликой
Ночное сравнивает небо, но различает их с трудом.

Такой красе найти соперниц творец не может и
Он ставит зеркало пред нею, бессильный в образе ^{лукаво}
ИНОМ.

Как просто было зеть накинуть на сердце дикое
Фурката —
Ведь даже серна из Китая пошла б за ней покорно
в дом!

РАЗВЕ ГРЕХ, ЕСЛИ ВЫЙДЕШЬ В САД?

Разве грех, если вместе мы выйдем в этот сад на
прогулку весной?
Разве грех утомленному сердцу подарить хоть на время
покой?

Разве грех, если, сняв покрывало, ты пред розой
откроешь лицо
И блеснут твои зубы в улыбке первозданной своей
белизной.

Трудно мне от забот беспрестанных. **Разве** грех
успокоить меня —
Распустить свои нежные кудри и расчесывать их
передо мной.

Разве грех, о моя дорогая, дать мне радость хотя бы
на миг:
Заставляя забыть о невзгодах, угостить меня чашей
хмельной.

Как Меджнун, от любви обезумев, о кудрях я
тоскую твоих.
Грех ли друга окутать кудрями, чтоб спасти его
разум больной!

Не снимай этой шали пунцовой. Разве грех, что,
увидев тебя,
Позавидует алая роза и тюльпан застыдится степной.
Смерть пришла за душою Фурката... Разве грех, если
ты иногда
Скажешь: «Небо, ответь мне, что случилось с этой бедной
влюбленной душой?»

ЧЕРНООКАЯ

Напрасно ты глаза подводишь, о черноокая, сурьмой,
И без нее тобой разрушен людей влюбившихся покой.

Бровей тугие полукружья, глаза волшебные твои,
Как будто мальчишки-идусы, лук натянув, грозят стрелой.

Безумцы разум потеряли от черноты твоих волос,
Куда ни выйдешь — шум поднимут, следя с восторгом
за тобой.

О мой кумир, невыносимо тоска и боль меня гнетут —
Ты боль душе оставь, а сердце рази любовною тоской!

Земля садов благоуханье берет у локонов твоих,
В земле же для продажи ищет садовник мускус дорогой.

Откуда гордому Юсуфу постичь страданья Зулейхи,
Которая к нему стремится всей силой страсти молодой?

О сердце, впавшее в смятенье, любви своей не утаишь:
Пусть мускус скрыт, но обнаружит его по запаху любой.

Я огорчен коварством неба: невежда в роскоши живет,
А мудреца подстерегают невзгоды длинною чредой.

Кто желтым золотом пресыщен, чернеет сердце у того,
Желтуха жертву угнетает в союзе с черною хандрой.

Жеманства ветреных красавиц сносить не может
сластолюб,
Но вот Фуркат несчастный терпит их тиранию над
собой.

ОПЬЯНЕННЫЙ ТВОЕЙ КРАСОТОЙ

Кто — скажи — не опьянен красоты твоей вином?
Красотой ослеплены все в безумии своем.

Увидав твой лик-тюльпан, впал в раскаянье аскет,
Что сгубил всей жизни цвет воздержаньем и постом.

Душу я готов отдать!.. Попирай меня ногой! —
Будет пыль на башмачке мне целебным порошком.

Как луна, лицо твое озаряет светом ночь,
Но от черных кос твоих — черный мрак стоит кругом.

Если садом ты идешь, люди хором говорят:
«Это — гурия с небес прилетела к нам тайком».

Пальма стана твоего устыдила кипарис,
И весенний сад поблек пред нарядом-цветником.

В завитке твоём любуясь — тысячи влюбленных жертв,
Чьи сердца опалены, как мое, твоим огнём.

Лепестками алых роз рдеют щеки у тебя,
И колеблется твой стан тонким, гибким стебельком.

Молит трепетно Фуркат: «Раны сердца исцели,
Нанесла мне их не ты ль жгучих глаз своих клинком?!»

ОНА ИДЕТ

Прихода милой мусульманки прождал всю ночь я
напролёт.

Пришел рассвет. Ее все нету. Сдавил мне душу
тяжкий гнёт.

Ну что ж! Тоска привычной стала. Всю жизнь блуждаю
я в тоске.

Всю жизнь пола моей одежды в колючках горя и забот.

Идет! Отдам ей душу в жертву, ресницы — на кошму
для ног!

Идет ко мне моя царица, настал-таки и мой черёд!

Идет кокетливой походкой, покачивая стройный стан...

Глаза мои, как человечки, навстречу выбегут вот-вот.

Конец разлуке! Наступает свиданья радостного час.

Идет блистательное солнце, моя любимая идёт.

Какой чудесный гость подходит! Все сделай для нее,
Фуркат.

Захочет жизнь отнять — не сетуй, не жалуйся,
пускай возьмёт!

ПРИХОДИТЕ, ЛЮБИМЫЕ!

Торжествует весна, приходите, любимые, к нам!
Искрометным вином насладиться пристало друзьям.

Ветерок животворен, и капли летят с облаков,
Время петь соловью, раскрывать свои лица цветам.

С кипарисовой ветки послышался горлинки стон —
И воспрянул нарцисс, предававшийся сладостным снам.

Вот колечки волос разбросал по траве гиацинт,
Внемлют белые лилии мерно журчащим струям.

Где подруга, чтоб, за руки взявшись, спокойно, вдвоем
В эту лунную ночь прогуляться по тихим садам?

Из рубиновой чаши, о кравчий, хмельное вино
Выпить залпом хочу — нужен сердцу целебный бальзам.

Не стыдись же, Фуркат, что к плечу ты подруги приник:
Кто не падал, сраженный любовью, к михрабам-бровям!

НОЧЬЮ

Не придешь — и душа моя грусти полна по ночам,
Залита вся моими слезами страна по ночам.

Черноту твоей родинки вспомню, надменный твой
взгляд —
И не знают глаза мои мирного сна по ночам.

Только взглянешь — и пламя очей обжигает весь
мир.
Неужель тебе жалоба душ не слышна по ночам?

О владычица сердца, в разлуке, рыдая, сторю!
Я тоскою согбен, беспощадна она по ночам.

Ты подносишь к устам на пиру цвета розы вино —
Я же горечи яд выпиваю до дна по ночам.

Только выйдешь на улицу — люди в волненье
большом:
То другая луна молодая видна по ночам.

До рассвета терзается ревностью сердце мое:
Ты смеешься с другими — счастлива, юна — по ночам.

Невозможно Фуркату и днем свои стоны сдержать,
Когда смертная мука ему суждена по ночам.

КАК МАЛО ДОБРОТЫ В ТЕБЕ

Как мало милосердна ты, как беспредельно зла!
Скажи, на сколько лет меня ты мукам обрекла?..

Ночь для других — покой и сон. А мне — не спать
всю ночь.
Ночь для меня — тоска и боль, безжалостная мгла.

Что делать мне с такой судьбой? Как не упасть в пути?
Душа ведь у меня одна, а муки — без числа!

Дан мусульманам рамазан — священный месяц дан.
На что он мне?! Ты не пришла, ты снова не пришла!

Настало время звать друзей на праздничный обед.
Чем угошу? В моей печи лишь пепел да зола.

Кровь печени моей сладка, как сахар, как шербет.
Возьми ее, зажарь ее для своего стола!

Терпенье малое мое, большую страсть мою
Дарил тебе от всей души, но ты не приняла.

Красавица, любовь моя, чьи брови, точно лук,
Своей ресницей, как стрелой, ты грудь мне рассекла.

Как жить? Нападки с двух сторон. С одной —
укор невежд,
С другой — от сонмища врагов угрозы и хула.

С одной — страданье от любви, унынье и тоска.
С другой — безжалостной судьбы жестокость, кабала.

Так почему ж Фуркату — мне — кровавых слез не лить,
Как не стонать, когда любовь меня с ума свела?!

ГДЕ УВИДИШЬ ТАКУЮ ПЕРИ?

Где еще увидишь пери с ликом, розы розовой?
Что сравню с ее зубами? Жемчуга каких морей?

Киларис, ее завидев, завистью воспламенён.
Нет нигде второго стана соразмерней и стройней!

Глубину ее беседы людям часто не постичь.
В каждом тонком слове пери — сотни смыслов, сто
затей!

Два ее жестоких глаза смертоносны для сердец.
В тысяче смертей повинен жгучий взгляд ее —
злодей.

«Лишь один Меджнун, — ты скажешь, — у Лейли»,
На волоске
Каждом — тысячи меджнунов у возлюбленной моей!

Льются слез моих потоки... Как могу их удержать?!
Ведь в груди Аму-Дарью пенится поток страстей!

Если ты промолвишь: «Счастье самым грустным
подарю», —
Осчастливь Фурката, пери!.. Кто еще его грустней?

В РАЗЛУКЕ С ЛЮБИМОЙ

Я в разлуке с любимой от горестных слез изнемог,
И из глаз моих крови и желчи прорвался поток.

Извиваются в церкви, чуть вспомнят волос завитки,
Пояса христиан — из веревок сплетенный шнурок.

Даже своды мечети тоскуют о сводах бровей,
Хоть считает аскет, будто страсть — это тяжкий порок.

Не брани меня, кравчий, что я от вина не хмельён.
Губ напиток хмельнее... Что мне виноградный твой сок?!

Я тяжелые слезы ронял... Это все — жемчуга
Океана любви и тоски, что бездонно глубок.

Нынче ночью меня беспокойные мучили сны —
Мне привиделось: кудри ее шевелит ветерок.

Пьет с другими она золотое вино... А Фуркат
Чашу ревности пьет, пьет кровавую чашу тревог.

ОНА НЕ СМОТРИТ НА МЕНЯ

Люблю ее, томлюсь душою, — она не смотрит на меня!
Стенаю, слезы лью рекою, —она не смотрит на меня!

Такой жестокой чаровницы еще не видела земля.
Пронзив мне грудь любви стрелою, она не смотрит
на меня.

Беспечная, она ведь знает, как тяжело мне, как
горько мне.
Но сердце у беспечной злое — она не смотрит на меня!

Напрасно я, как тень, склоняюсь к ее тропе. Ей
все равно!
Навек лишив меня покоя, она не смотрит на меня.

Мечтаю: «Может быть, при встрече хоть слово
вымолвит!» Увы!
Идет, гордясь своей красою, опять не смотрит на меня!

ТАКОЯ, КАК ТЫ, ЦВЕТНИК

Нигде не может расцвести такой, как ты, цветник.
Твои уста — бутоны роз, пушок твой — базилик.

Я шел, и на пути моем прекрасный цвел нарцисс.
Узнав, что я иду к тебе, поблек он и поник.

Вино не радует меня. Зачем вино тому,
Кого пьянят глаза твои, твой лучезарный лик!

О, сколько пленников твоих от мира отrekliсь!
Но счастья нет ни одному из этих горемык.

Как хочешь, поступай со мной. Нет воли у меня!
Твой жалкий, твой покорный раб к стопам твоим
приник.

Я бросил родину, ища твоей любви, и что ж?..
Нет родины, и счастья нет. Зашел твой раб в тупик!

Я прочитал в твоём письме: «Клянусь, не может быть,
Чтоб человек такой, как ты, моей любви достиг».

Что ж будешь делать ты, Фуркат? Скорбит твоя душа.
Ох, если б ей спокойной быть хоть день, хоть час,
хоть миг!

НЕ Я ОДИН

Стал пленником газельих глаз, лишь ты вошла,
не я один.

В смятенье пред красой твоей и зеркала, не я один.

О не сердись, что буду жить на светлой улице твоей.
При виде щек твоих земля вмиг расцвела, не я один.

Тоскует по твоим устам ночами розовый бутон,
Исходит кровью в цветнике он досветла, не я один.

Мне ль у любимой на пиру не проливать горячих слёз?
Слезами в эту ночь свеча вся истекла, не я один.

Средь лилий горлинка грустит, на розе плачет соловей
О той, что тоньше стебелька, что так бела... Не я один.

Не попрекай, не говори, что милости достиг Фуркат...
Век благодарен тот, к кому ты снизошла... Не я один.

ЧТО Я МОГУ СКАЗАТЬ О НЕЙ

Что я могу сказать с ней? Ушла. Пропал и след.
Когда б я мог ответить «да», не говорил бы «нет».

Ушла и сердце унесла влюбленное мое.
Что с ним?.. Известий нет о нем давно, уж много лет.

Сберечь рассудок, устоять никто пред ней не мог —
Ни юноша в расцвете сил, ни сгорбленный аскет.

Сто раз пред нею умирай, рыдай, клянись в любви, —
Пройдет, покачивая стан и — хоть бы взгляд в ответ!

Богатство может, слышал я, красавицу привлечь.
Но кто видал, чтоб вместе шли богатство и поэт?!

Я все испробовал, стремясь ее увидеть вновь.
Но, видно, на свиданье с ней положен мне запрет.

Теперь удел Фурката — ночь без края, без конца
Теперь уж никогда пред ним не заблестит рассвет!

ПРИДИ СКОРЕЙ

Я жду тебя, изнемогая. Молю тебя: приди скорей!
Я слезы истощил, рыдая. Молю тебя: приди скорей!

В жилище горестной разлуки меня, забытого тобой,
Гнетет тоска, петлей сжимая. Молю тебя: приди скорей.

Будь щедрой, наступи ногами на грудь мою и на глаза.
Моя наездница лихая, молю тебя: приди скорей.

Не зная, что с тобой и где ты, я гибну, превращаюсь
в прах.

Приди, из праха возрождая, молю тебя: приди скорей!

Как сладки были наши ночи! Как сладки снова
могут быть.

Пока не умер я, стенаю, молю тебя: приди скорей!

Попутчиком мне стало горе, подушкой — черная земля.
О чаровница озорная, молю тебя: приди скорей!

Доколе мукой ожиданья ты будешь сердце мне язвить?!
Душа моя, прошу тебя я, молю тебя: приди скорей!

НЕ СТАЛ УМУДРЕННЕЙ

Не стал умудренней Фархад среди горных теснин,
И только Хосров насладился губами Ширин.

К чему мне весна, если жизни кипучий расцвет
Меня не подарит сияющей розой долин?

На родине счастье губила жестокость судьбы,
И здесь, на чужбине,—о боже! — я горестей сын.

Минуты покоя нигде не найдет человек.
Все в мире — смятенье и смена тяжелых годич...

Читал я, что счастья побег был взращен не в садах
Тавриза... Об этом когда-то писал Шамс ад-дин.

«Кто духом высок, — так делийский сказал соловей, —
На Индию взор обратил не без тайных причин».

И долгой беседою друг не наскучит, Фуркат!
Приятен канун, хоть налево повторяет один.

МУСАДДАСЫ И МУХАММАСЫ

ОХОТНИК, ОТПУСТИ ГАЗЕЛЫ

Охотник, отпусти газель! Блуждать ей суждено,
как мне.
Сними аркан. Ей на земле защиты нет давно,
как мне.
Ей друга прежних светлых дней не встретить все
равно, как мне.
Ей горе в тягостный удел назначено одно, как
мне.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно,
как мне.
Немая скорбь ей сердце жжет и счастья не дано,
как мне.

Обрежь аркан, и пусть она, как ветер, веющий
с высот,
Умчится в горные луга, где верный друг подругу
ждет.
Разлука сердце ей томит, тоскует дух, но где
исход?
Ей пути скорби разорви, невыносим их вечный
гнет.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно,
как мне.
Немая скорбь ей сердце жжет и счастья не дано,
как мне.

Оставь ей жизни краткой дни, беспомощную
пожалей,

На вешней зелени позволь с газелями резвиться ей,
Пусть из тюльпанов горных пьет росу живительных
дождей,

Отдав молитвам за тебя остаток мимолетных дней.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно.

Немая боль ей сердце жжет и счастья не дано,
как мне.
как мне.

Будь милосерд! Ее удел в пустынях мира одинок.
Будь милосерд! Сними аркан и сократи мучений срок.
Слезами полон взор ее, к слезам будь милосерд.
стрелок.

Детеныша хоть пожалей, коль с нею хочешь
быть жесток.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно.

Немая боль ей сердце жжет и счастья не дано,
как мне.
как мне.

В горах тюльпаны расцвели, сияет мир, пришла
весна,
Зачем же рок несправедлив и ей одной земля
тесна?

Таясь в доме своем, она всегда в тоске, всегда
одна,

А если вышла хоть на миг — ей злая гибель суждена.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно.

Немая скорбь ей сердце жжет и счастья не дано,
как мне.
как мне.

Ты голову ее пригнул, веревку обкрутил вокруг ног,
Поверг бессильную, во прах и на закланье
поволок.

Как чернотой прожжен тюльпан, ей сердце злобой
ты прожёл,

Но я куплю газель твою, какой ты требуешь залог?
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно.

Немая скорбь ей сердце жжет и счастья не дано,
как мне.
как мне.

Ужель ей в сердце злобный дух вселил безумия
 Она — как чаша горьких слез, куда излит страданья ^{разлад?}
 И, как в руинах среди пустынь, дожди печали в ^{яд.}
 Так сам в разлуке я томлюсь, поэт, чье прозвище — ^{ней шумят.}
 Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, ^{Фуркат.}
 Немая скорбь ей сердце жжет и счастья не дано, ^{как мне.}
 как мне. ^{как мне.}

НЕ БЕДА

Если даже и мало со мной посидишь,
даже шали не сняв, не беда.
Не беда, если чаю тебе предложу,
но его ты не выпьешь, горда.
Не беда, что со мною безжалостна ты. —
все равно не уйду никуда.
Не беда, коль, поверив навету врагов,
ты накажешь меня без суда.
Не беда, что тебе даже имя мое
не приходит на ум никогда.

День и ночь изнываю в тоске о тебе,
о тебе, мой безжалостный друг.
От любви я хвораю, одна только ты
можешь вылечить этот недуг.
Прояви милосердые, прости мне вину,
я почти умираю от мук.
Для других не жалеешь ты время свое.
а ко мне подойти недосуг.
Не беда! Лишь бы мне тебя видеть порой,
о моя золотая звезда!

Будь здорова всегда, будь всегда весела,
а мое состоянье не в счет.
Яд разлуки с тобой — это сладость моя,
он мне дарит и сахар и мёд.
Крепко спал я всю ночь, или вовсе не спал —
пусть тебя эта мысль не гнетёт.
Пусть погибну навеки, забытый тобой,
лишь бы ты не видала невзгод.

Не беда, что твой раб от любви изнемог.
Только ты будь здоровой всегда.

О прекрасный, в пурпурной одежде Юсуф,
покажись, побеседуй со мной.
Без конца я гляжу на дорогу твою,
опьяненный твоей красотой.
В этой жизни одна лишь мне радость нужна,
радость солнечной встречи с тобой.
Пусть бродяга я в царстве твоей красоты,
я доволен и этой судьбой.
Не беда, если ты не заметишь меня,
буду верен тебе и тогда.

Здесь, в Коканде, живя, я затворником стал.
Без тебя для чего мне друзья?!
О, как хочется мне стан твой стройный обнять,
страсти нежной своей не тая.
Если я не дождался свиданья с тобой,
в чем же смысл моего бытия?
Так ударь же, ударь же мне в сердце ножом,
чтобы жизнь оборвалась моя.
Не беда, что меня ты не вспомнишь потом,
что исчезну, как тень, без следа.

А быть может, о мой луноликий кумир,
розы счастья опять расцветут?
Приходи, расспроси о здоровье моем.
Разве это мучительный труд?
Как тростинка я стал, воспалились глаза,
слезы, с кровью мешаясь, текут.
Разве трудно спросить: «Что с тобою, мой друг,
отчего ты так бледен и худ?»
А не спросишь — ну что ж! Значит, так суждено.
Пусть погибнет Фуркат — не беда!

УДИВИТЕЛЬНО КРАСИВА

Ты, что блещешь, красотой покоряя, госпожа!
Кипарис упругим станом повторяя, госпожа!
Ты нежней многолепестной розы рая, госпожа!
Я тебя во всем прелестной почитаю, госпожа!
Всех собою превосходит молодая госпожа!

Как Меджнун, в тебя—о пери! — все без меры
влюблены.

И кудрями, точно цепью, все кругом оплетены.
Что бы ты ни приказала, все тебе подчинены.

В царстве, что зовут «Любовью», все рабы тебе
верны,

Ты — пленительный царевич, чудо края, госпожа!

Нет другой такой шалуни, нежной и суровой нет.
Похитительницы сердца, что кует оковы, нет.
Розоустой, звездоокой, стройной, лукобровой нет,
Рассудительной, глубокой, тонкой и толковой нет.
Ты единственная в мире — где вторая? — госпожа.

Улицей, чье имя «Верность», ты, скажи, хоть раз
прошлась?

Умирал я, погибал я, ты не показала глаз.

Ради немощного сердца к голове моей склоняясь,
«Что с тобою, мой несчастный?» — ты спросила ли
хоть раз?

Почему ты столь небрежна, дорогая госпожа?

Из-за глаз твоих пришлось мне столько муки
перенести!

Не играй бровей мечами, что рабам готовят мести!
На любое дело в мире, говорят, причина есть.
Не дивлюсь, что искушений на земле не перечести, —
Это ты пред миром блещешь, искушая, госпожа!

Никогда мне не случилось посидеть с тобой вдвоем,
Никогда не доводилось быть в святилище твоём.
За минутное свиданье я готов гореть огнём...
Где ж привязанность? Ни разу не шепнула ты тайком:
«Приходи ко мне!» Тебя я ожидаю, госпожа...

Я тебя моим тревогам сострадающей считал
И меня по всем дорогам провожающей считал,
От печали и терзанья исцеляющей считал,
Жизнь мою и состоянье опекающей считал.
Я твоё высокомерье нынче знаю, госпожа!

Долго ль будут мне уделом злоключения одни?
Долго ль мне не станет радость хоть на краткий миг
сродни?

Ночь моя не знает утра и чернее ночи — дни.
Ах, глаза твои громили наше царство искони!
Ты во прах его повергла, разрушая, госпожа!

Долго ли с тобой в разлуке кровь и слезы мне
глотать?

Долго ль, глядя на дорогу, звать тебя и заклинать?
Жду тебя, как душу!.. Сжался! Ниспошли мне
благодать!

Если не придешь к Фуркату — душу он готов отдать!
Разве так жестокосердна ты, о злая госпожа?..

ХОТЬ ОДНА

Где в мире хоть одна беда, неизвестная мной?
Несправедливость хоть одна прошла ли стороною?
Из тяжких пыток и одной не вынес бы иной!
Найдется ль хоть еще один подобный мне больной,
Кто б рассказал, как я плачу за все такой ценой?!

Кружусь, как неба колесо любовью обожжен.
Всю землю я избородил, со всех ее сторон.
В разлуке тяжкой погибал, я разума лишен...
Но почему мне суждены рыдания и стон,
Меня спросил ли хоть один — приятель иль родной?!

Втоптали в землю плоть мою отчаянья войска.
Вся нить души моей — в улах, как стебель тростника.
В недуг мне сердце вогнала набегами тоска,
Мой стан похож на букву «дал», как тело старика...
Но предо мной — одни глаза и свод бровей сплошной.

Мечтал я, что меня везде одно веселье ждёт,
Что я с беспечными сдружусь, а не с детьми забот,
Что, за счастливыми вослед, пойду легко вперед,
Но я опять среди людей, чья доля — цепь невзгод.
В пучину бед унесены мечты одной волной!

Кому я душу доверял и сердце поручал —
Тот мне жестокостью и злом немедля отвечал.
Увы!.. Черна моя звезда, я — жертва злых начал.
Я неизменно верен был, но верных не встречал...
Остался ли хотя один из верных под луной?!

Метался я и день, и ночь... Растратил столько сил!
Дела чужие выполнял, здоровья не шадил.
Жизнь расточал на богачей, им душу раздарил.
Их благодарности я ждал, а нынче стал немил,
И все они до одного стоят ко мне спиной!

И те, чья доля так черна, опять — в моих друзьях,
Чья грудь разбита на куски, кого повергли в прах...
Боль униженья — их постель, и — камень в головах.
Мои друзья среди пустынь скитаются впотьмах,
И бедный плакальщик один — наперсник верный мой.

Но если человек прошел сквозь испытаний мрак.
Любви страдание почел за высшее из благ,
Царица, может быть, его приблизит хоть на шаг,
Возвысит милостью того, кто нынче нищ и наг...
А я? Один из нищих я в стране красы земной!..

У той, что точно кипарис, Фуркат в плену давно.
И горлинкою мне стонать от страсти суждено.
Мечи бровей, стрелу ресниц в руке носить дано...
О, если б в хижину мою, где глухо и темно,
Случилось птицей залететь красавице одной!

РАЗЛУЧИВШИИСЯ

Кто я? Расставшийся с любимой, сраженный
горем соловей.
Оторван я от розоликой, от радости моих очей.
Как больно сердцу, как тоскливо, как тяжело мне
в разлуке с ней.
Один скитаюсь на чужбине, один, без близких,
без друзей.
Как сокол, поломавший крылья, вдали от родины
своей.

Облили сердце алой кровью мечтанья об ее устах.
Мечтая о глазах-нарциссах, я обессилел, я зачах.
Что от меня теперь осталось? Одна лишь кожа
на костях.
Меня считают человеком, но я давно уж только прах,
Бессмысленная оболочка, мертвец среди живых
людей.

Я потерял и ум и разум и потому смятенным стал.
Погрыз в невежестве бездонном, навек ума
лишенным стал.
Ягненком стал осиротевшим, беспомощным,
согбенным стал.
Покорным стал, утратил волю, скитальцем
угнетенным стал.
Я потерял отчизну. В этом причина слабости моей.

И вот один в степи скитаюсь — Меджнун,
стремящийся к Лейли,

Повесив цепь себе на шею, брожу оборванный,
в пыли.
Велик ли грех мой? Каждый путник имеет цель
свою вдали.
Не виноват я, что навеки оторван от родной земли,
Что я собакою бездомной останусь до скончанья дней.

Я вспомнил чистый сад былого, ручья прозрачного
поток.
Скажу словами кипариса, как я от горя занемог.
Взглянув на трепетную розу, я удержать себя
не смог,
Раскрыв ее дневник осенний, прочел всего один
листок —
И жар любви проник мне в сердце, и жжет день
ото дня сильней.

О, как освободить мне сердце из плена горя и
забот?!
Кому сказать о том несчастье, что день и ночь
меня гнетёт?
Кто прочитает эту повесть моих страданий и
невзгод?
Никто!... Жестокий луч печали испепелит меня,
сожжёт.
Лишил меня родного дома мой беспощадный
рок-злодей!

Увидев, как я слаб и жалок, «Он любит» — люди
говорят.
В печали сам, для всех печальных я стал теперь и
друг и брат.
Увидев, что в тоске брожу я, что гарьким горем
я объят,
Узнав, что стал я чуждым веку, мне дали
прозвище «Фуркат».
Тоска, тоска от года к году! Ужели нет предела ей?!

ДРУГ

Мухаммас на газаль Навои

И день и ночь болезненное сердце мечтает только
об одном —
О дружбе с ней, о дружбе с этим, весь мир
украшившим цветком.
Пусть ей мудрейшие внимают, толпясь почитательно
кругом, —
Она подружит и со мною — с безумным, жалким
бедняком.
Я знаю: нежным пери нужен Меджнун с
поверженным умом.

Прекрасны уст ее рубины. Тоска по ним сжигает
грудь.
Одно ишу, одно желаю: еще хоть раз на них
взглянуть.
Пока я жив, взглянуть — и только, а там хоть
вечным сном заснуть.
Пускай глаза ее — убийцы. Я смерти не боюсь
ничуть.
Что смерть, что гибель человеку, когда он дружит
с божеством?!

Пусть я живу среди развалин — богаче многих я
вдвойне.
Кирлич мне служит изголовьем, баклажка — чашей
служит мне.
Я пьян и смел везде и всюду. Пьян наяву и пьян
во сне.
Когда отшельник станет кравчим, вражду утопит
он в вине.

Мой враг давнишний стал мне другом, скрепили
дружбу мы вином.

Что удивляться, если льется кровавых слез
моих ручей, —
Не раз в меня летели камни из рук врагов, из рук
друзей.
Пришла ко мне толпа безумных. Им тут со мною
веселей.
Ведь много сумасшедших бредней в разбитой голове
моей.
Безумье сблизилось с безумьем, что ж
удивительного в том?!

Хотя б во все сады и рощи пришла пьянящая
весна,
Коль нет со мной моей любимой — весна мне эта
не нужна.
Отрадней мне в темнице скорби пить чашу горести
до дна.
На что мне кипарис и роза, когда со мною не дружна
Красавица с изящным станом и нежным розовым
лицом.

Моя возлюбленная — солнце. Пленила всех ее краса.
Земля ее кошмою стала, шатер над нею — небеса.
Прах из-под ног моей любимой — глазам целебная
роса.
Весь мир разлука с ней затмила: все горы, доли и
леса.
Моя любовь навеки стала ее слугой, ее рабом.

Осталась мне одна отрада: страдать, сжигать себя
тоской.
Стать жалким от разлуки лучше, чем заслужить
почет людской.
Всех добрых, справедливых лучше она с ее душою
злой.
Кто хоть однажды пил из кубка, налитого ее рукой,
Тому и сладость чаши Хызра ничтожной кажется
потом.

Не мажь одежды грязной страстью, живи безгрешно,
как аскет.

Знай: нет грязнее этой грязи, на всей земле
грязнее нет.

Кто хочет с чистой жить душою, не причиняя людям
вред.

Кто хочет жизнь прожить спокойно, пусть тот
запомнит мой завет:

Дружи с печальным и убогим и не общайся
с богачом.

Фуркат, не брезгуй даже ядом, коль друг поднес
тебе его.

Пей, не боясь расстаться с жизнью. Не жаль для
друга ничего!

И если зол твой друг — не сетуй. Ведь в этом дружбы
существо.

О Навои, коль друг обидит, не отрекайся от него.

Ведь приобрел ты эту дружбу, не отказав ему
ни в чём.

ПИСЬМА

ALLIANCE

ПИСЬМО К МУКИМИ

Волей неба здесь, в Коканде, мирно жизнь моя
течет.
Наслаждаюсь я довольством, отдыхаю от забот.

Получил от вас недавно Ахмеджан-мулла письмо,
Счастлив я, что в нем, среди прочих, я помянут
в свой черед.

Каждой вашей тонкой мыслью упивался я в письме.
Испытавший наслажденье благодарность нынче шлет.

Если о моих занятиях спросите, скажу, что я,
Возвращаясь домой из Сима, в стороне от всех забот.

Скоро месяц с Махдумханом я и вечером и днем.
Я его сопровождаю, слов его вкушаю мёд.

Но когда в глаза гляжу я, для которых свет померк, —
Сам я болен, жалом острым жалость сердце мне
сосёт.

Я пирушки покидаю и бегу со стоном прочь,
Как певец, который хочет в песне горю дать исход.

Пожил я в Янги-Кургане, каждый день себе твердил:
«В кишлаке невыносимо! На душе тяжелый гнёт.

Зной томит меня, а сердцу — одиноко и темно.
Человека нет, который помыслы мои поймёт!»

Махдумхан сказал мне: «Долго Мукими здесь
проживал,
Не посетовал ни разу он на здешний обиход!»

Я ответил: «Вероятно, было по сердцу ему;
У меня же ни терпенья, ни любви не достает!»

Так шутливую беседу мы закончили. Тогда
По делам я прибыл в город, тот, где Махдумхан
живёт.

«Будете писать, — сказал он, — пожелайте Мукими
Больше счастья...» Потому-то потерял словам я счет.

А у пери луноликой нынче в милости Фуркат,
Тайн прелестных я хранитель, сердца нежного оплот.

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕТРУ

Когда дарует бог, как милость, ветерок,
Прекрасен этот сад, где льнет к цветку цветок.

Благоухает сад, как мускус и мускат,
Вдыхаю аромат, но я ему не рад.

Я — жертва зла небес, познал я лживость их,
Меня сожгла до тла несправедливость их.

Я думал, что в саду от горя исцелюсь,
Я шел забыть беду, печаль свою и грусть.

Все веселы в саду, все как бутоны роз,
А я один бреду — глаза красны от слез.

Когда увидел я тех, кто не знает бед,
Мне вспомнились друзья, кого со мною нет.

Я очень одинокий в обители земной.
О добрый ветерок, лишь ты один со мной.

О добрый ветер мой, мир облетаешь ты.
Быстрее молний пыль, что поднимаешь ты.

Спешу в ташкентский край, найди порог ее,
Влети, облобызай подошвы ног ее!

Но в первый миг, когда увидишь ты ее,
Рассудка не лишись от красоты ее.

Есть у тебя глаза — пусть кровь стекает с них,
Есть грудь — пусть будет вздох предвестьем слов
твоих.

Скажи ей, преклонясь: «Будь вечно юной ты —
Владычица владык в султанстве красоты.

Знай, что в краю чужом живет невольник твой —
Измученный судьбой Фуркат, едва живой.

Знай, что не от нужды, страдая, плачет он,
Но от другой беды: с тобой он разлучен!

Он зренье потерял от горьких слез своих.
Он сердце обмотал кусочком кос твоих.

Он сердце обмотал, как в крае мусульман
Веревкою кяфир обматывает стан.

Он мрачен, нелюдим, всегда рыдает он,
И к небесам глухим его взлетает стон!»

С ней, ветер мой, простишь, как я простился б сам,
И в дом другой несись и там скажи: «Салам!»

Ведь там Ишанходжа — учитель мой живёт,
Чье слово и теперь мне силы придаёт.

Мне было легче с ним, чем с прочими людьми.
Мой передав привет, его привет прими.

Прими его привет и дальше полети,
В то место, где живет сам Ходжахан-муфти.

Сказав ему: «Салам, почтенный Ходжахан!»,
Сядь, как бывало я, к нему за дастархан.

Скажи ему: «Муфти, тебя мудрее нет,
Твои слова на мир бросают яркий свет!»

Скажи ему, что все проходит под луной.
Нет верности в любви, нет верности иной.

Нас небо предает, несправедлив наш век,
И правды на земле не видит человек.

Скажи, что счастьем бог не одаряет нас.
Миг короток, а жизнь короче во сто раз.

И, попрощавшись с ним, его покинув дом,
Ты вспомни о другом товарище моём.

Товарища зовут Махдум Убайдулла,
Ты поклонись ему, спроси, как, мол, дела?

И устремись туда, откуда слышен шум,
Где Ханходжа-ишан и Джемальхан Махдум

За шахматной доской по-прежнему сидят
И объявить хотят друг другу шах и мат.

Влети, им поклонись, пусть каждый будет рад...
На площадь устремись и брось на запад взгляд.

Там дом стоит большой — утеха он для глаз,
В нем каждое окно сверкает, как алмаз.

Там мрамор и гранит, там сводчатый айван,
Владеет тем дворцом Махмуд Ходжа-ишан.

Ты поклонись ему, потупя в землю взгляд,
Мне этот человек и друг и старший брат.

Мой передай привет, признательность мою,
Скажи: мне жизни нет, я — прах в чужом краю.

Скажи: «Грустит Фуркат, он умереть готов,
Не видя милых лиц, не слыша добрых слов!»

Ты дальше полетишь, увидишь — чайхана.
На берегу крутом раскинулась она.

Усядься на супе, где лучшие места,
Скажи, чтоб чай принес самоварчи-ата.

Как в дни мои, придет курносый острослов,
Наполненный вином гордыни до краев.

Он жалок и смешон, ты все прости ему.
Пусть будет рад и он, солги, польсти ему.

Потом в Шейхантаур лети: всем, кто там есть,
Удачу принеси и радостную весть.

Найди друзей моих, сны преврати их в явь.
Коль скорбь в сердцах у них, от скорби их избавь!

Потом лети туда, где мой горюет друг
На улице Дархан в лачуге средь лачуг.

Мой досточтимый друг, мудрец Мирза-ака,
В чьем сердце на меня обида велика,

И сердцем и душой я чист перед тобой.
Как алкоран святой, я чист перед тобой.

Ты доверял весь век всем, кто к тебе ходил,
Недобрый человек меня оговорил.

Смахни же с сердца пыль недоброй клеветы.
До смерти я твой раб за все, что сделал ты.

О ветер дорогой, лети, мой друг, спеши,
Найди Агзам-ходжу, Ахмада-юзбаши.

Скажи: «Ахмад-мудрец, умеющий в наш век
По пульсу узнавать, чем болен человек,

Склоняюсь пред тобой, тебя я видеть рад,
Тебе прислал привет знакомый твой — Фуркат.

Покинув свой Коканд — край, где родился он,
В турецкий Истамбул переселился он».

...От дома юзбаши направься на базар.
Мой друг Кари Садык там хвалит свой товар.

Он радовал мой взгляд, он услаждал мой слух.
Для тела моего он — животворный дух.

С приветом от меня ты к другу подойди.
Скажи, любовь к нему горит в моей груди.

Но если у него мой недруг Авлия,
Молчи, не говори, где пребываю я.

Ты с ними посиди, беседуй, не спеши,
Ты молча чай попей и дальше поспеши.

По Сакичман-куча пройди немного вниз.
Спроси, где там живет мой друг Абдулазиз.

К Абдулазизу в дом, чтоб повидаться с ним,
Заглянет Фарзинхан или Мирза Касым.

Ты передай Мирзе мой скромный мухаммас,
Что начал я давно, а кончил лишь сейчас.

...Потом опять лети в базарные ряды,
Где люди хвалят свой товар на все лады.

Найди моих друзей: Мирзу, Хаджу-Вали,
Мусу, Якуб-ходжу, Максуда, Мир-Али.

Все лавки обойди и караван-сарай,
Особый мой привет Хашиму передай.

На родине моей понравится навряд
Твой истамбульский вид, турецкий твой наряд.

Ведь там иной закон, иная сторона.
Купи по пять локтей сатина и сукна,

Купи и в тот же час пойди с добром своим
В лавченку, где сидит портной уста Муслим.

С почтением скажи, что, мол, тебе нужны
По моде тех краев, халат, камзол, штаны.

Скажи: «Тебе привет от мужа, кто, скорбя,
Мечтает всей душой вновь повидать тебя.

И помнит хорошо и любит всей душой
Тебя твой старый друг и собеседник твой».

А в понедельник в дом, где трудится Муслим,
Являются друзья, чтоб повидаться с ним.

С цветами ли сравнить сходящихся туда
Или сказать про них, что каждый, как звезда...

Там правила свои, и ты придешь не сам:
Тебя Абдулазиз представит всем гостям.

И оглядят тебя достойные мужи.
Ты к каждому подсядь и что-нибудь скажи.

Когда начнется пир, вставь слово как-нибудь,
О том, кто далеко, напомнить не забудь.

С гостями скромн будь: не шумен и не тих.
Уйдя, облобызай края халатов их.

Дадут тебе письмо, ко мне с письмом спеши,
В пути храни его на дне своей души.

Ведь для моей души, страдающей от ран,
Быть может, то письмо — бесценный талисман.

О добрый ветер мой, прошу опять тебя:
Быстрее возвратись, я буду ждать тебя.

Закончились слова — прошение мое,
Но без конца к друзьям стремление мое.

ПИСЬМО ИЗ БОМБЕЯ!

Я шлю привет издалека честнейшим из людей,
Оплоту разума, добра, вернейшим из друзей,
Певцам, чей голос чист, могуч, артистам,
чей самтур
Мелодий жалобных поток струит в простор степей.
Как поживаете, друзья, здоровы ли, бодры?
К бесценной вашей жизни смерть не обрела ль путей?
Бог даст, вернусь я в Туркестан, свой хлеб там
обрету.
Хочу я видеть вас, хочу обнять вас поскорей.
Пусть пальма вашей жизни впредь зеленою растет,
Пусть будет счастье и успех плодом, листвою
на ней...
О вы, кто на чужбине мне опорой сердца стал,
Кто был великодушен, щедр, кто был родни нежней!
О, как я рад за вас, друзья, как благодарен вам
За все, что сделали вы мне по доброте своей!
Без вас тоска меня гнетет — один в краю чужом.
Паломников из мест родных встречаю, как гостей.
Я вспоминаю вечера по пятницам у нас...
Звенел ситар, гремел гиджак и, словно соловей,
Певец кокандский Фарзинхан нам радовал сердца
Чудесной песней Фузули... Что родины милей?!
В глубь Индостана путь держи, Фуркат, оставь
Бомбей.
О, что за тайны прячет рок за покрывалом дней?

¹ Печатается в сокращении.

А сам поэту Мукими, поэту Нисбати
Наследником достойным будь, иди по их стопам.

Стал переводчиком теперь наш брат Ир Мухамед,
Не дай, господь, сразить его лихой судьбы мечам!

А если спросишь обо мне — живу в Яркенде я,
Хвала аллаху, предаюсь усладам и мечтам.

Я антилопою блуждал, в красавиц был влюблен —
Китайский мускус ревновал к их черным волосам.

О, напиши: в живых иль нет ходжа Исамуддин?
Грозят ли бедствия ему, его спокойным дням?

Привет горячий шлет ему ходжа Халмухамед —
О всех знакомых и родных он был бы рад вестям.

«Прислал бы гребень в дар ходже, — он говорит, —
случись
Какой-нибудь ловкач-гонец, отсель идущий к вам».

О Ташбалту, коль хочешь быть достойным меж
людей,
Я наставление одно тебе по дружбе дам.

С несовершенными не спорь, не жалуйся на них,
К высоким помыслам всегда стремиться нужно нам.

Ты зложелательство отбрось. По нраву ты хорош. .
Теперь закончу я письмо, пусть отдохнет калам.

Кому же вспомнить про тебя, о Закирджан Фуркат,
Хотя и шлешь ты по утрам привет своим друзьям?

КОММЕНТАРИИ
И ПРИМЕЧАНИЯ

Стихи Фурката, вошедшие в настоящий сборник, были при жизни автора частично опубликованы в газете «Туркистон вилоятчилик газети», частично вышли литографированными изданиями: «Баёзи мавлоно Муками ва Фуркат», «Баёзи Гулшани ашъор», «Баёзи Муртазо ва Утаб», «Баёзи Мухалло», «Баёзи Хазиний», «Баёзи Янги», «Армуғони Хислат» и др.

Некоторые произведения сохранились в рукописных сборниках и находятся в фондах Института востоковедения АН УзССР.

Социальная поэзия

Гимназия

В 1890 г. Фуркат посетил русскую гимназию, находившуюся в новой части города Ташкента. Дирекция гимназии предоставила поэту возможность ознакомиться с аудиториями и кабинетами, рассказала об учебных планах и программах.

Свои впечатления о русском учебном заведении Фуркат запечатлел в стихах.

Стихотворение «Гимназия» впервые опубликовано 17 апреля 1890 г. в газете «Туркистон вилоятчилик газети» за № 15 под заголовком «Стихотворения Закирджана Фурката».

Джамшид — легендарный шах Ирана.

Пушечный раскат — в дореволюционном Ташкенте ежедневно в 12 часов стреляли из пушки. По этому выстрелу население определяло время.

О науке

Стихотворение впервые опубликовано в «Туркистон вилоятчилик газети» под названием «Стихотворения Закирджана Фурката».

Искандер — Александр Македонский.

О музыкальном собрании, состоявшемся в городе Ташкенте

Стихотворение написано под впечатлением концерта, состоявшегося 1 июня 1890 г. в Ташкенте. При жизни поэта было опубликовано в переводе на русский язык.

Восторженные отзывы поэта о русской музыке и музыкальных исполнителях можно найти на страницах «Туркистон вилоятининг газети» от 14 июля 1890 г.

Суворов

Живя в Ташкенте, Фуркат часто посещал русский театр, сыгравший большую роль в формировании мировоззрения поэта.

В октябре 1890 г. в Ташкентском театре шел спектакль «Измаил».

Будучи не только поклонником русского театра, но и активным его пропагандистом среди узбекского населения, Фуркат пишет стихи о Суворове, в которых излагает свои впечатления о спектакле. Стихотворение «Суворов» было еще при жизни поэта переведено на русский язык.

Рустам — легендарный герой, один из главных персонажей поэмы «Шах-наме» Фирдоуси.

О выставке в городе Ташкенте

Стихотворение состоит из трех частей. Первая была опубликована под названием «О выставке»; вторая и третья части — «О выставке в г. Ташкенте».

В 1890 г. в Ташкенте на территории внешнего парка культуры и отдыха им. М. Горького была организована выставка, где были представлены промышленность, ремесло и сельское хозяйство. Стихи «О выставке» посвящены этому событию.

Исфаганская сабля. Исфаган — город в Иране, славившийся производством мечей.

Адрас — шелк определенной выделки.

Гяз — аршин.

О могуществе русских войск

Живя в Яркенде (город в Синьцзяне), Фуркат читал иностранные газеты и журналы, в частности, выходящие в Индии проанглийские газеты «Хаблул матин» и «Песан ахбор».

На страницах этих газет печатались лживые измышления английских колонизаторов о русских солдатах, участниках русско-японской войны.

Ответом на эти измышления явилось стихотворение Фурката «О могуществе русских войск».

Из слов поэта Гафура Гуляма известно, что это стихотворение было переслано Фуркатом вместе с письмом одному из маргеланских друзей. В «Туркистон вилоятининг газети» стихотворение было опубликовано в сокращенном виде.

Фагфур — легендарный китайский император.

О значении поэта и возвышенности поэзии

Бейт — стихотворная строка, состоящая из двух полустиший.

Фирдоуси — персидско-таджикский поэт, автор известной поэмы «Шах-наме» (934 — 1020 гг.).

Хафиз — персидско-таджикский поэт-лирик (1300—1389 гг.).

Саади — персидско-таджикский поэт (1184 — 1291 гг.).

Однажды в Греции

Во время своего заграничного путешествия поэт посетил Грецию (1891 г.).

Стихотворение «Однажды в Греции» было впервые опубликовано в 1896 г. в газете «Туркистон вилоятининг газети» под названием: «Легенда об одном греческом достоянии. Одно из 24 похождений Кокандского господина Закирджана».

ТЬфу на них!

До настоящего времени стихотворение в первопечати не обнаружено. Впервые оно опубликовано в поэме Сайфи «Фуркат» в 1960 г. Со слов поэта Сайфи явствует, что стихотворение «ТЬфу», принадлежащее поэту Фуркату, переписано Сайфи из рукописного сборника (баяза), хранящегося в доме одного ташкентского любителя поэзии.

Известно, что Фуркат писал сатирические стихи, в которых жестоко высмеивал чиновников, духовенство, казиев (судей, судивших на основе шариата).

Это дает основание верить указаниям поэта Сайфи относительно автора стихотворения «ТЬфу». При подготовке к изданию сатиры «ТЬфу» за основу взят текст, опубликованный поэтом Сайфи.

Лирика

Газали

Увидав твоё лицо

Алиф («а»)—буква арабского алфавита, пишется в виде вертикальной черты.

В Кашмир приехав...

Стихотворение написано в 1892 г., во время пребывания поэта в Кашмире.

Харут и Марут—по преданию, эти два ангела, владевшие искусством колдовства, были изгнаны из рая и низвергнуты в бездонную яму.

О периллякай

Танбур — струнный щипковый музыкальный инструмент.

Ищу лекарства от скорбей

В подлиннике, хранящемся у составителя настоящего сборника, отсутствует первая строка последнего двустишия.

Испив вина

Сурьма — краска для бровей.

Созвездие Стрельца — одно из созвездий Зодиака. У мусульманских астрономов называется «Созвездие Лука»; с луком здесь сравниваются бровя красавицы.

Али (по прозвищу — *Царь Царей*) — один из ближайших последователей пророка Мухаммеда, халиф (султан).

Хотанская газель. Хотан — область в Китайском Туркестане, где водились газели, из желез которых изготовлялся китайский мускус.

Светлый праздник новолуния

Имеется в виду праздник разговенья после поста, начинавшийся с появлением на небе новой луны.

Огонь любви

Хызр — имя легендарного пророка, якобы пашедшего источник живой воды.

Айланай

Айланай — буквально — да покружусь я (подразумевается — над твоей головой). В переносном смысле — выражение восхищения.

Роза

На средневековом Востоке преступников для посрамления водили связанными по городу.

Соловей

Стихотворение перепечатано из рукописного сборника, хранящегося у певца Джурахана Султанова. По словам Джурахана Султанова, подлинный список стихотворений Фурката находился у муллы Абдумаджида-Кари Кокандского (умер в 1933 г.).

Джурахан Султанов переписал для себя стихотворения, входившие в этот список.

Тоскую

Тутия — окись меди, славившаяся как лекарство для глаз.

Я страдаю

Харам — место, куда допускаются самые близкие друзья.

Соловей сладкогласный

По мусульманской версии легенды о царе Соломоне и царице Савской, весть о ней принесла Соломону птица угод.

Нет нигде красавиц верных

Алиф и дал — буквы арабского алфавита. У первой начертание прямое, у второй — изогнутое.

Как мало доброты в тебе

Рамазан — девятый месяц мусульманского лунного календаря. По предписаниям Корана, во время Рамазана мусульмане должны воздерживаться от пищи и питья от восхода солнца до заката.

В разлуке с любимой

Пояса христиан — подразумеваются веревочные пояса, которые надевались иноверцами в мусульманских странах.

Не стал умудренней

Фархад и Хосров. Здесь намек на поэму Низами «Хосров и Ширин».

Шамс ад-дин (Шамс и-Тебризи) — писатель, уроженец Тавриза. Под дельйским соловьем подразумевается поэт Хосров, уроженец Средней Азии, живший в Дели.

Мусаддасы и мухаммасы

Охотник, отпусти газель

Один из ташкентских жителей. Салих Ходжа-ата Инамов, проживавший с Фуркатом в одном медресе (1890—1891 гг.), рассказывает об истории написания этого стихотворения следующее: в махалле Диванбеги г. Ташкента проживал певец Абдулла-Бульбуль. Его брат Сагдулла поссорился с группой перекупщиков лошадей. Эти люди, накинув аркан на шею Сагдулле, поволокли его в Салар, где и утопили. Под впечатлением этого происшествия Фуркат и написал стихотворение.

Разлучившийся

Фуркат — псевдоним поэта. Арабское слово, буквально обозначающее «разлука».

Письма

Письмо к Мукими

Стихотворение вошло в рукописный сборник, хранящийся в Институте востоковедения АН УзССР. Написано до 1889 г.

Сим — нынешний город Фергана.

Обращение к ветру

Стихотворение написано в Турции, в городе Истамбуле (Стамбул) в 1891 г. и оттуда переслано друзьям в Ташкент. Вошло в рукописный сборник, хранящийся в Институте востоковедения АН УзССР.

Другой экземпляр этого стихотворного письма хранится в Ленинградском Восточном рукописном фонде АН СССР под названием «Стихотворение Закирджана Фурката». По имеющимся библиографическим данным, ташкентский мулла Камаледдин подарил в 1908 г. этот рукописный экземпляр стихотворения востоковеду А. Самойловичу.

Все упомянутые в этом стихотворении лица жили в Ташкенте и являлись друзьями Фурката.

Письмо из Бомбея

Впервые опубликовано в «Туркистон вилоятининг газети» (1893 г.) под заглавием «Это стихотворение Фурката из Бомбея для Махмудходжи». В рукописном баязе, хранящемся в Институте востоковедения АН УзССР, оно озаглавлено: «Стихотворное письмо поэта Фурката из Бомбея в Ташкент».

Написано в 1892—1893 гг., после переезда поэта из Аравии в Индию, в городе Бомбее.

Фузули — азербайджанский поэт (умер в 1563 г.).

Сантур — индийский музыкальный инструмент.

Ситар — трехструнный щипковый музыкальный инструмент.

Гиджак — струнный смычковый музыкальный инструмент.

Письмо к поэту Ташбалту из Яркенда

В рукописном баязе, хранящемся у Джурахана Султанова, это письмо-стихотворение именуется: «Стихотворный ответ Закирджана Фурката из г. Яркенда на письмо Ташбалту».

Мулла Ташбалту — маргелавский поэт (поэтический псевдоним «Ронк»). Во время пребывания в Маргелане Фуркат жил в доме муллы Ташбалту и сохранил с ним близкие, дружеские отношения.

Мукими (1850—1903 гг.) — выдающийся узбекский поэт-демократ.

Завки (1853—1921 гг.) — поэт-демократ, друг Фурката.

Мухи — поэт, современник Фурката.

Нисбати — поэт, современник Фурката.

Ирмухаммед, *Ходжи Асамиддин* — ферганские знакомые Фурката.

Халмухаммед-ходжа — близкий друг Фурката, переехавший из Ферганы в Яркенд и оставшийся там на постоянное жительство.

СОДЕРЖАНИЕ

Закирджан Фуркат	5
----------------------------	---

Социальная поэзия

Гимназия. Перевел П. Карабан	19
О науке. Перевела Светлана Сомова	21
О музыкальном собрании, состоявшемся в городе Ташкенте. Перевел Н. Гребнев	23
Суворов. Перевел В. Липко	27
О выставке в городе Ташкенте. I. Перевел В. Липко	34
О выставке в городе Ташкенте. II. Перевел Н. Гребнев	37
О выставке в городе Ташкенте. III. Перевел Н. Гребнев	40
Рояль. Перевел Л. Пеньковский	42
О могуществе русских войск. Перевел В. Липко	45
О значении поэта и возвышенности поэзии. Перевел В. Липко	48
Однажды в Греции. Перевел В. Липко	51
ТЬфу на них! Перевел Л. Пеньковский	59

Лирика

Газали

На алом ее лице. Перевела Ю. Нейман	63
В саду. Перевела Ю. Нейман	64
Когда бы сад расцвел весной. Перевел Э. Бабаев	65
Жизни не рады мы. Перевел С. Лиходзиевский	66
Увидав твое лицо. Перевел Э. Бабаев	67
Тюльпан. Перевела Ю. Нейман	69
В Кашмир приехал. Перевел В. Левик	70
О периликая! Перевел В. Липко	72
Ищу лекарства от скорбей. Перевела Ю. Нейман	73
Ты розе задала вопрос. Перевела Ю. Нейман	75
О розоликая! Перевел В. Липко	76
Ушла... Перевела Ю. Нейман	77
Испив вина... Перевела Ю. Нейман	78
Твои глаза. Перевела Ю. Нейман	79
Твой портрет. Перевел В. Липко	80

Взор твоих глаз. Перевел В. Липко	82
Проливают кровь рекою. Перевела Ю. Нейман.	84
Луноликая. Перевела Ю. Нейман	85
Та, что сердцу так близка. Перевела Ю. Нейман.	86
Твой стан, как пальма. Перевел В. Липко	87
Я твой. Перевел В. Липко	88
Светлый праздник новолуныя. Перевела Ю. Нейман	89
Душа горит в огне разлуки. Перевел В. Липко.	90
В саду изящности. Перевел В. Липко.	92
Огонь любви. Перевела Ю. Нейман	93
Лишь вспомню. Перевела Ю. Нейман.	94
Ссыпан сахаром чертог. Перевел В. Липко	95
Душа ночами плачет. Перевел Э. Бабаев.	97
В лугах. Перевела Ю. Нейман	98
Ты надела платье из роз. Перевела Ю. Нейман	99
Где найти, как ты, шалунью? Перевел С. Лиходзиевский	100
Меня не жалеет сна. Перевел Э. Бабаев	101
Айланай. Перевел Э. Бабаев.	102
Если лик свой откроешь. Перевела Ю. Нейман.	104
Стократ милей. Перевела Ю. Нейман	105
Изящна. Перевела Ю. Нейман	106
Роза. Перевела Ю. Нейман	107
Послание соловью. Перевел Э. Бабаев	108
Соловей. Перевел В. Липко	109
В ком искать состраданья. Перевел Э. Бабаев	110
В разлуке с тобой. Перевела Ю. Нейман	111
Владычица моя. Перевел Э. Бабаев	113
Я с розой милой разлучен. Перевела Ю. Нейман	115
Тоскую. Перевел С. Лиходзиевский	117
Я страдаю. Перевел Э. Бабаев	118
Снизойди ко мне. Перевела Ю. Нейман	119
Взгляд ее очей. Перевела Ю. Нейман	120
Если та, чей лик, как солнце... Перевела Ю. Нейман	121
Колдовству ты научилась у своих бровей. Перевела Ю. Нейман	122
Она нарушила обет. Перевела Ю. Нейман	123
Она вошла в цветник. Перевел В. Липко	124
Хоть голову себе разбей. Перевел В. Липко	125
Соловей сладкогласный. Перевел Э. Бабаев	126
Нет нигде красавиц верных. Перевел В. Липко	127
Иду в ее селенье снова. Перевел В. Левик	128
Разве грех, если выйдешь в сад? Перевел В. Липко	130
Черноская. Перевел С. Лиходзиевский	132
Опьяненный твоей красотой. Перевела Ю. Нейман	133
Она идет. Перевел В. Липко	134
Приходите, любимые! Перевел С. Лиходзиевский	135
Ночью. Перевел С. Лиходзиевский	136
Как мало доброты в тебе. Перевел В. Липко	137
Где увидишь такую перь? Перевела Ю. Нейман	139
В разлуке с любимой. Перевела Ю. Нейман	140
Она не смотрит на меня. Перевел В. Липко	141
Такой, как ты, цветник. Перевел В. Липко	142
Не я один. Перевела Ю. Нейман	143

Что я могу сказать о ней. Перевел В. Липко	144
Приди скорей. Перевел В. Липко.	145
Не стал умудренней. Перевела Ю. Нейман	146

Мусаддасы и мухаммасы

Охотник, отпусти газель! Перевел В. Левик	147
Не беда. Перевел В. Липко	150
Удивительно красива. Перевела Ю. Нейман	152
Хоть одна. Перевела Ю. Нейман	154
Разлучившийся. Перевел В. Липко	156
Друг. Перевел В. Липко	158

Письма

Письмо к Мухими. Перевела Ю. Нейман	163
Обращение к ветру. Перевел Н. Гребнев	165
Письмо из Бомбей. Перевел С. Лиходзиевский	171
Письмо к поэту Ташбалту из Яркенда. Перевел С. Лиходзиевский	172
Комментарии и примечания	177

Редактор Издательства
С. А. Левитина

Художественный редактор
А. Т. Шепельков

Технический редактор
В. П. Шарикова

Корректор
Т. К. Карпенко

* * *

Сдано в набор 8/XII-58 г. Подписано к печати 22/XII-58 г.
Бумага 84×108 $\frac{1}{32}$ = 2,94 бум. л., 9,64 печ. л. Изд. л. 5,0
Тираж 10000. Цена 3 р. Переплёт 2 р.

* * *

Типография Издательства АН УзССР. Ташкент, Хорезмская, 9.
Заказ 1191. Адрес Издательства: Куйбышева, 15.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР**

Ташкент, ул. Куйбышева, 15

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Дж. Ш. Шарипов

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИЧЕСКОГО
ПЕРЕВОДА**

Цена 6 р. 35 коп.

УЗБЕКСКИЕ НАРОДНЫЕ ПОЭМЫ

Цена 31 р. 30 коп.

БАБУР-НАМЕ

Цена 29 р. 70 коп.

С заказами обращаться:

Гор. Ташкент, ул. Навои, 30, Узглавкниготорг

Индивидуальным покупателям, библиотекам, органи-
ям книги высылаются наложенным платежом без задатка.